

АВТОР — НОМИНАНТ ПРЕМИЙ «БОЛЬШАЯ КНИГА», «НАЦБЕСТ»
И «ПРОСВЕТИТЕЛЬ», ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «БРОНЗОВАЯ УЛИТКА»

ТИМ СКОРЕНКО

ЭВЕ РЕСТ

РОМАН
О ЛЮБВИ

МЫ ОСТАНЕМСЯ ЗДЕСЬ НАВСЕГДА —
И ТЕ, КТО ЛЕЖИТ В РАСЩЕЛИНАХ ГОРЫ,
И ТЕ, КТО СУМЕЛ СПУСТИТЬСЯ

Суперпроза

Тим Скоренко

Эверест

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Скоренко Т. Ю.

Эверест / Т. Ю. Скоренко — 2018 — (Суперпроза)

ISBN 978-5-17-110754-3

27 мая 1953 года новозеландец Эдмунд Хиллари и шерп Тенцинг Норгей первыми ступили на вершину высочайшей горы мира – Эвереста. Но... первыми ли? До них как минимум два человека претендовали на эти лавры: великий альпинист Джордж Мэллори, пытавшийся покорить Эверест в 1924 году, и безумец-одиночка Морис Уилсон, предпринявший свою авантюру в 1934-м. Кто из них был первым? Загадку в наше время хочет разгадать англичанин Джон Келли – он идет наверх, чтобы раз и навсегда поставить точку в этой истории... Центральная линия романа – жизнь Джорджа Мэллори и обстоятельства, предшествующие его легендарному восхождению, его любовные отношения и научные работы, его многочисленные путешествия и Первая Мировая война. Неожиданный, провокационный взгляд на историю покорения Эвереста и одновременно литературная игра – в романе «Эверест».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-110754-3

© Скоренко Т. Ю., 2018

Содержание

Часть 1. Морис Уилсон	6
Глава 1. Зона смерти	6
Глава 2. Рут	12
Глава 3. Ирвин	18
Глава 4. Кембридж	23
Глава 5. Могила	31
Часть 2. Эндрю Комин Ирвин	38
Введение	38
Путь	39
Любовь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Тим Скоренко

Эверест

© Тим Скоренко, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Кем был для меня Джордж Мэллори? Человеком, который предпринял самую смелую попытку подняться на Эверест – и этим открыл невозможный ранее путь для всех остальных.

Райнхольд Месснер

Я с превеликим удовольствием прочитал (и перечитал) текст Тима Скоренко, который автор именует романом и который романом, скорей всего, и является. Но только не таким, как те, что когда-то изучали в школах, и даже не как те, что попадают в шорт-листы нынешних литературных премий, от чинного «Букера» до хулиганского «Нонконформизма». Здесь, слава богу, новое письмо, а не заезженная виниловая пластинка традиционной русской литературы, каким бы словесным экспериментам ни подвергали ее нынешние творцы, чьи имена на слуху. Ибо суть текста Тима Скоренко не в слове, а в деле, и это искусное сплетение фикции и нон-фикции – несомненно удавшийся поиск языка новой классики, вновь разворачивающийся к человеку, которому в принципе начхать на войны, революции и другие глобальные явления, которые должны бы спасти заблудшее человечество, да боюсь, скоро его окончательно загубят. Ну и со словом здесь все в полном порядке, книга читается на одном дыхании. Одним словом, «Эверест», господа!

Евгений Попов

Часть 1. Морис Уилсон

Глава 1. Зона смерти

Цеванг Палжор¹ лежит на северо-восточном склоне в небольшой скальной нише. Головы его снаружи не видно – он уткнулся в стык между полом и стеной, обхватив себя руками. На нем красная куртка (капюшон прикрывает лицо) и синие штаны. Ногами Цеванг Палжор лежит к выходу, и первое, что бросается в глаза, – это его ядовито-салатовые ботинки. По ним ориентируются все экспедиции. Это восемь с половиной тысяч метров. Осталось немного. Мы почти добрались.

Войдя в пещеру Зеленых Ботинок, вы встретите еще одного ее обитателя. Это Дэвид Шарп. Он сидит, опираясь на колени сцепленными руками в голубых перчатках. На нем синяя куртка, капюшон поднят, лицо до носа укутано шарфом, глаза закрыты. Кажется, сейчас Дэвид Шарп откроет глаза, поднимется и выйдет из пещеры, чтобы спуститься в базовый лагерь. Впрочем, стоп. Дэвида в пещере уже нет – его все-таки похоронили по-человечески. Но раньше он действительно здесь сидел.

В документальном фильме канала Discovery группа альпиниста Марка Инглиса находит еще живого Шарпа. Он открывает глаза, мигает, меняет положение головы, смотрит в камеру. Даже называет свое имя. Но его нельзя взять с собой, потому что на самом деле он мертв. Гипоксия и гипотермия превратили его тело в кусок льда. Даже глаза, глядящие в камеру, мертвы. Группа Инглиса уходит, а потом мимо проходит еще одна группа, и еще одна, и все это время Дэвид Шарп умирает. Потом его выносят из пещеры и хоронят в каменном саркофаге.

Их много. Вы пройдете мимо Роба Холла, мимо Скотта Фишера, мимо Ханнелоры Шматц и Рея Дженета, мимо Фрэнсис Арсентьев и других. Мимо болгарина Христо Проданова, который шел соло, без кислорода, и добрался до вершины 20 апреля 1984 года, чтобы на следующий день погибнуть во время спуска. Вы пройдете мимо сотни тел, лежащих в десяти метрах от маршрута, и не будете знать, кто это. Для вас это просто ориентиры. Да, мы идем верно. Да, здесь должен быть вот этот, сорвавшийся. Или этот, с черепом вместо головы. Да, все верно.

Всего их двести восемьдесят один, по крайней мере – пока. Кого-то спустили вниз и похоронили, но большинство осталось там, среди снега и льда. Завтра может стать больше на одного, на два, на десяток. И они навсегда останутся там. Никто не спасет их, никто не принесет горячего чая или дополнительный баллон с кислородом, пока они еще живы, и не потащит вниз, потому что это невозможно. Они нашли себе лучшую могилу, о какой только может мечтать альпинист. Замерзнуть в позе, которую выбираешь сам. Служить другим – тем, у кого вершина еще впереди.

Историки до сих пор спорят, добрался я до вершины или нет. Погиб я во время восхождения или все-таки на спуске. Достиг ли своей нирваны. Говорят, мое тело нашли на семи с половиной тысячах метров и даже пристойно похоронили, сбросив в одну из трещин. Я горжусь тем, что моим надгробным камнем стала высочайшая вершина мира. Между тем мою палатку видели километром выше – ошиблись? Может, это была не моя палатка? Не все ли равно? Я не претендую ни на реальные лавры Хиллари, ни на условные лавры Мэллори. Пусть они спорят между собой. Хотя, будем честны, я бы мог разрешить этот спор, если бы находился в каком-то другом месте, а не в недоступном ущелье.

¹ Список реальных исторических личностей, фигурирующих в романе, приведен в конце книги.

Не важно, право слово. Эта история затрагивает меня лишь отчасти. Я играю роль стороннего наблюдателя, который знает гораздо больше, чем вы, и может более или менее объективно изложить свои знания. Конечно, я мертв, а вы живы. Но значит ли это, что я должен молчать? Нет.

Райнхольд Месснер в книге «Хрустальный горизонт» рассказывает о первом – с его точки зрения – бескислородном восхождении на вершину мира. Он шел медленно-медленно: делал десять шагов, затем длительное время отдыхал, рассчитывая время так, чтобы не застояться. Застоишься – придется сесть. Засидишься – придется лечь. Ляжешь – встать уже не придется. Месснер все делал правильно. Он шел на пределе, на упорстве, на безумном желании, преодолевая трудности и преграды. В лагере его ждала Нена, которую он позже никак не мог узнать. Он не понимал, кто это, зачем эта женщина помогает ему, и где все его друзья. Нена была красивая, я помню ее милое личико, ее вздернутый носик, глазищи на пол-лица. Таким женщинам не место в горах. Впрочем, и на кухне им не место. Нену я хорошо представляю, например, ловящей бабочек на каком-нибудь британском лугу. Пасторальная картина. Впрочем, той, юной, Нены уже нет. Я даже не знаю, жива ли она.

К сожалению, я привязан к определенной ограниченной территории и не могу ее покинуть. Меня сдерживает вовсе не какая-то невидимая стена, в которую можно врезаться лбом. Нет, что вы. Скорее, это та самая граница, которая не позволяет идущему по маршруту альпинисту сойти с тропы и напоить чаем из термоса умирающего товарища. Казалось бы, вот он, в пяти метрах, сделай несколько шагов и приложи к его обмороженным губам теплое горлышко. Но это невозможно. Потому что, если ты сделаешь шаг, ты умрешь. Если ты попытаешься спасти кого-либо – ты умрешь. Если ты сойдешь с тропы – ты умрешь.

Я, к слову, не сходил с тропы. Я шел правильно, потому что меня вела моя вера. Но, несмотря на это, я умер.

Теперь я знаю, как это называется. Горная болезнь. В моем сознании собираются термины, придуманные человечеством за годы, прошедшие со дня моей смерти: гипотермия, гипоксия, цианоз. Я ничего не знал обо всем этом, когда шел наверх. Но скажу честно: знание не помогает. Помогают антигипоксанты²: гутимин, ранолазин, пергексиллин, убихинон, оксипутират натрия – я могу перечислять их долго. Потому что каждый принимает что-то свое, а я впитываю его знания и предпочтения.

Сначала появляется утомление. Казалось бы, ты несешь на себе всего пять чертовых килограммов, но создается ощущение, что их не пять, а сто. Еще одышка – нужно много отдыхать. Еще головокружение. Еще сонливость и бессонница одновременно. Тебе страшно хочется уснуть, когда ты просто садишься на привале, но, как только ты раскладываешь палатку и упаковываешь себя в спальный мешок, сон куда-то пропадает. Это только начало. К такому можно приспособиться, пожив несколько дней в базовом лагере.

Потом начинается вторая стадия. Симптомы значительно усиливаются, вдобавок к ним присоединяются новые. Один из них – эйфория. Тебе кажется, что все легко. Ты начинаешь болтать с попутчиками, если таковые имеются, ты бежишь там, где следует ползти, рюкзак, кажется, весит считанные граммы. Только это ложь, иллюзия, сотворенная для тебя собственным организмом, и эта ложь еще аукнется. Когда из носа начинает идти кровь, ты понимаешь, что есть какой-то предел. А потом возникает рвота. И еще не надо забывать про понос. К пяти тысячам метров ты изможден и хочешь только одного – чтобы прекратилась боль. Страшная, чудовищная, разрывающая головная боль.

Потом появляется сухой, раздражающий горло кашель. Желудок скручивает узлом, живот пучит. Дыхание сбивается. Лицо синеет, начинается кровохарканье.

² Лекарства, улучшающие циркуляцию кислорода в организме и повышающие устойчивость к гипоксии.

На этой, третьей, стадии уже нельзя подниматься. Даже на второй нужно срочно идти назад. Я этого не знал и потому полз вперед. Современные альпинисты это знают – и все равно идут, чтобы найти свой последний приют в пещере Зеленых Ботинок.

В мое время не было ацетазоламида. Не было дексаметазона, дибазола и, как ни странно, виагры. Ничего смешного. На уровне моря виагра помогает справиться с женщиной, здесь же виагра улучшает кровоснабжение и позволяет одержать значительно более серьезную победу – над горой. Нет, у вас не будет хронической эрекции, даже если съесть целую упаковку за раз. Во-первых, виагра не афродизиак. Во-вторых, на таких высотах не до секса.

У Дэвида Шарпа, каким его увидела камера канала Discovery, была абсолютно синяя кожа. Он вряд ли мог лечь – из-за удушья приходилось сидеть. Возможно, он просто замерз. Возможно, он умер от отека легких – так погибает четверть всех невозвращенцев. И еще четверть – от отека мозга. У меня были легкие. Страшно, когда ты ложишься от усталости, но тут же поднимаешься, потому что лежать вообще не можешь дышать.

В принципе, ты уже мертв, дружок.

Джордж Мэллори обещал в случае успешного восхождения оставить на вершине портрет жены, Рут Тернер. Но не оставил. Это является основным аргументом тех, кто уверен в первенстве Хиллари, поднявшегося на гору тридцатью годами позже.

Аргументов в пользу Мэллори тоже хватает. Его тело найдено на высоте 8155 метров, а его кислородный баллон и ледоруб Эндрю Ирвина, напарника Мэллори, – значительно выше: на 8480 и 8460 метрах соответственно. Значит, они добрались как минимум до этих высот. Мэллори – опытный альпинист – умер не от гипоксии или ослабления организма. Он умел справляться с такими вещами. Нет, он просто разбился. Переломы и ушибы означали только одно: Мэллори забрался достаточно высоко, а затем начал спускаться и сорвался на спуске. Неужели он развернулся бы, не дойдя четырехсот метров до вершины? Вряд ли.

Нередко бывает так, что до вершины остаются считанные метры – и альпинист впадает в состояние эйфории, я уже упоминал о ней. Он чувствует прилив сил, он может даже побежать, если позволит тропа. А потом он умрет – на обратном пути, когда силы будут растрочены на бессмысленный бег и восторг.

В принципе, я умер именно так. Я не знал ни о горной болезни, ни об ослаблении организма, хотя и чувствовал их в полной мере: меня рвало кровью и несло по двадцать раз на дно. Но когда до вершины осталось чуть-чуть, всю боль как рукой сняло. Я добежал, добрался, дополз и упал лицом в снег, разгребая его руками, отталкивая от себя. Сил поднять глаза и посмотреть на окружающую меня красоту не было. Да и в любом случае я потерял солнцезащитные очки. Если бы я посмотрел вверх, то ослеп бы. Странно, но блеск снега мои глаза выдержали.

Да, именно так. Я был на вершине, просто вся эта история – не обо мне. Я лишь наблюдатель, способный превратить картинки в слова. Я вижу все. Я смотрю на туристов, которые поднимаются до Кала Паттар и не идут дальше, потому что это все, что им нужно, – поглядеть на гору со стороны. Я смотрю, как альпинисты, уже выйдя из базового лагеря, спускаются обратно, чтобы вернуться ни с чем, потому что жизнь им дороже вершины. И, если честно, все они кажутся мне одинаковыми. В мои времена сюда шли, чтобы стать первыми. Это удалось Хиллари – аплодисменты... Официально, конечно.

Потом шли, чтобы стать первым без кислорода (официально – Райнхольд Месснер и австриец Петер Хабелер), первым в одиночку (снова Месснер), первым без ног (Марк Инглис), первой женщиной (Джунко Табэи), первой женщиной без кислорода (Лидия Брэйди), первым слепым (Эрик Вейхенмайер) и так далее. Рекорды, рекорды, рекорды... Все эти рекорды высаны из пальца. Мне кажется, что главное в этом деле – подняться, зафиксировать свое пребы-

вание на вершине и спуститься. Есть галочка в зачетной книжке. Одна из четырнадцати необходимых. Другое дело, что все предметы в этом университете – факультативны.

Бывают, правда, интересные студенты. Например, Дидье Дельсаль. Его трудно назвать альпинистом, хотя он побывал на самой вершине и окинул взглядом окрестности. Просто он не шел наверх по одному из склонов, а поднялся на вертолете Eurocopter Ecureuil/AStar AS350 ВЗ. Он пробыл на вершине горы две минуты 14 мая 2005 года, а затем еще столько же на следующий день. Теперь эту модель вертолета показывают в рекламе не иначе как на фоне гор, а ее продажи возросли в десятки раз. Никто и никогда не смог повторить двойной трюк Дельсали. Он был единственным человеком, поднявшимся на гору вообще без альпинистского оборудования. Даже без рюкзака. Признаться, я с интересом наблюдал за ним. Если бы двигатель вертолета заглох, Дельсаль бы погиб. Его бы сразу смело в пропасть, потому что на вершине нет ровной площадки, а посадка засчитывается просто двухминутным касанием поверхности горы при вращающемся винте. Конечно, он мог бы успеть выбраться. Но тогда его смерть растянулась бы на много часов.

Удивительно, но в мое время вертолеты были чем-то диковинным, не способным пролететь более нескольких сотен метров. Обладая я такой машиной вместо приснопамятной развешки De Havilland, все было бы значительно проще. Я бы просто приземлился на вершине, и всё. Но в любом случае мой «мотылек» конфисковали еще в Индии.

Человека, о котором я хочу рассказать, звали Джоном Келли, и он родился в Мобберли. Да, в той самой деревушке Мобберли, где почти за сто лет до него появился на свет Джордж Мэллори.

Я странно познаю мир. События, которые давно всем известны, могут достигнуть моей расщелины с полувековым опозданием. Помнится, в 1982 году я был поражен переговорами советских альпинистов – впервые в жизни я сумел углубиться в психологию русских, послушать их разговоры и узнать много нового об их удивительной стране. Когда меня не стало, Союз был в стадии становления, его (да и всю Европу) еще не опалило пламя войны, а теперь он был могущественным государством, занимавшим половину мира и постоянно находившимся в негласном конфликте с Америкой.

Вернемся к Джону Келли. Он появился в базовом лагере на высоте около 5300 метров с четырьмя шерпами. Один из них остался чем-то недоволен и отказался идти дальше. Остальные трое планировали двигаться к вершине. Одного звали Пемба, второго – Дава, а третьего – Ками. Я никогда не отличал шерпов друг от друга. Мне они казались и продолжают казаться одинаковыми, точно близнецы.

Вся эта компания выглядела совершенно обычно. Альпинист хочет взойти на гору, нанимает группу проводников-носильщиков, берет с собой приличный запас еды и кислорода – и вперед, наверх. Естественно, никто не собирается бить безумный рекорд Пембы Дордже, который умудрился подняться на вершину из базового лагеря за восемь часов. Девяносто девять процентов людей не выдержало бы такого темпа чисто физически. Нет, Келли собирался просто идти наверх – аккуратно, без лишнего экстрима, как получится.

Я не приглядывался к нему. Сколько их прошло мимо меня – разных, сильных и слабых, уверенных в себе и трусливых. Сколько их не вернулось обратно. Сколько сошло на середине маршрута, сдалось, сползло вниз, чтобы никогда больше не вернуться. Келли был одним из тысяч, и он не был мне интересен. Когда Пемба Дордже сочетался браком со своей девушкой на самой вершине – это было интересно. И когда Аппа Тенцинг «брал» гору в двадцать первый раз – тоже. А рядовое восхождение Келли первоначально не вызвало у меня азарта. Пусть он даже был моим соотечественником. Таких, как он, было слишком много.

Более того, по внешнему виду и подготовке Келли я сделал вывод, что он сдастся где-то на семи тысячах, вряд ли позже. Даже до штурмового лагеря не дойдет. Его свалит гипоксия. Он

испугается того, что зрение внезапно ухудшилось примерно в два с половиной раза. Или того, что десять килограммов за плечами неожиданно превратились в сто. Он сойдет с дистанции.

Но он не сошел.

Вернемся в 1934 год. Четырнадцатого апреля мы с тремя шерпами добрались до монастыря Ронгбук, расположенного на высоте 4980 метров. По меркам тридцатых, его как раз можно было считать базовым лагерем. Настоятель встретил нас приветливо, гостеприимно. Он предлагал подождать хорошей погоды, пожить в монастыре хотя бы пару недель. Шерпы согласились, я – нет. Гора стояла передо мной, и я не мог ждать ни минуты. Я и теперь считаю, что был прав. Я ведь добрался до вершины, а что потом – не так уж и важно.

Моей первой ошибкой был отказ от оборудования Ратледжа. Ратледж был слишком грамотным, аккуратным и рассудительным для настоящего альпиниста. Он рассчитывал время по секундам, жизнь для него значила гораздо больше восхождения, и отказался от вершины в пользу благополучного возвращения. Ну что же, он получил свою золотую медаль от Королевского географического общества. Я получил свою вершину.

Ратледж готовился к экспедициям основательно. В тридцать третьем он не сдался – и оставил большую часть оборудования в монастыре, чтобы вернуться на гору тремя годами позже. Он вернулся – к тому времени я уже лежал в своей трещине и смотрел на него, неудачника, несколько свысока. Даже когда он проходил непосредственно надо мной.

Там были кошки, веревки, ледорубы – все необходимое для успешного восхождения. Я не понимал, зачем это нужно. У меня имелись руки и ноги, этого должно было хватить. Зачем нужна раскладная лестница? Может, я хочу превратить восхождение в загородную прогулку? Ни в коем случае. Так я думал тогда.

Теванг, Ринзинг и Церинг были, с моей точки зрения, ленивыми свиньями. Они, казалось, собирались поселиться в монастыре навсегда, прикарманив выплаченный им аванс. Они пытались отговориться плохой погодой (над нами в тот момент светило яркое солнце), усталостью и необходимостью акклиматизироваться. Мне было противно слушать эти глупости. Шестнадцатого апреля я собрал рюкзак и тронулся в путь. Черт с вами, подумал я, доберусь и без вас.

Я пошел наверх один.

Джон Келли и его шерпы почти не разговаривали. Зато в базовом лагере, помимо Келли, стояла экспедиция французов. Они были смешные, болтливые и смелые как черти. Их двигало наверх не стремление к личному достижению, а гордость за нацию. Они шушукались, переговаривались и обсуждали какие-то сторонние, не имеющие отношения к восхождению вещи. Среди них была девушка, Матильда, прекрасно знающая английский, и Джон Келли разговаривал с ней, потому что его палатка оказалась по соседству с ее. Она спросила, нет ли у него сигарет, и он ответил, что есть.

Вообще-то при восхождении курить строго запрещено. Курение в определенной мере равно смерти. И не медленной, предполагаемой смерти от рака легких, а более быстрой, хотя и не менее мучительной кончине. Мембраногенному отеку легких, да. При этом в легких накапливается внесосудистая жидкость, выходящая из капилляров. Из-за давления, температуры и нехватки кислорода проницаемость капилляров изменяется, а дальше все зависит от организма. Есть люди, которые никогда не поднимутся на гору, потому что они предрасположены к подобным заболеваниям. Да, я был именно таким.

Любая легочная патология увеличивает вероятность отека в тысячу раз. Вы курите? Добро пожаловать в ад. Может, у вас хронический бронхит? До свидания. Вы недавно переболели ангиной? Удачной дороги. Если ваши легкие не идеальны, если их нельзя пластинировать

вать и выставлять в музее фон Хагенса³ в качестве образца для подражания, лучше не ходите наверх. Скорее всего, вы не доберетесь. Я имею в виду не то, что вы погибнете, а то, что вам придется спуститься с половины пути.

Но Матильда попросила у Джона Келли сигарету, и он сказал, да, конечно, у него есть сигареты. Не проблема. Они были нарушителями, психами одного уровня, и это сблизило их. Сидя в базовом лагере, они обсуждали все на свете – от привычек родителей до любимых велосипедных фирм.

И только на шестой день, когда французы готовились к утреннему старту, а Келли думал, присоединяться к ним или идти позже, Матильда спросила: Джон, а зачем ты идешь на гору? Чего хочешь ты?

Мотиваций может быть множество. В последнее время наиболее распространенная – преодоление себя. Безногий Джон Инглис, слепой Эрик Вейхенмейер, старик Юичиро Миура, мальчишка Джордан Ромеро – мы сможем, говорили они, и они могли. Джону Келли было нечего доказывать. Ему было тридцать пять, он был здоров, силен, ловок, имел значительный опыт в скалолазании. Он не собирался ни выполнять программу «Семь вершин» – подъем на высочайшие горы всех частей света, – ни забираться на все четырнадцать восьмитысячников.

Предположим, что я хочу найти фотографию, ответил он. Какую фотографию? Фотографию Рут Тернер Мэллори. Это называется патриотизм, детка. Я хочу доказать всему миру, что Джордж Герберт Ли Мэллори, настоящий англичанин, первым поднялся на вершину, на двадцать девять лет раньше этого чертова новозеландца.

³ Немецкий анатом Гюнтер фон Хагенс изобрел оригинальную технику сохранения мертвых тел – пластинацию, в ходе которой все телесные жидкости и жиры замещаются полимерами. Сегодня анатомическая выставка фон Хагенса The Body World пользуется успехом во всем мире.

Глава 2. Рут

Швейцарский врач Эдуард Висс-Дюнан известен в первую очередь тем, что в 1952 году возглавил экспедицию на гору. Одним из сопровождавших его шерпов был тот самый Тенцинг Норгей, который годом позже все-таки станет первопроходцем горы. Рекорд той экспедиции составил 8595 метров – такой высоты достигли Норгей и швейцарец Раймон Ламбер. Или, по другим данным, 8611 метров, что в данном случае – одно и то же.

Именно Висс-Дюнан, публикуя статью о восхождении и особенностях акклиматизации на подобных высотах, ввел в обиход термин «зона смерти». Проблема даже не в том, что за пределами восьми тысяч метров крайне трудно передвигаться и что-либо на себе нести. Проблема, скорее, в том, что на подобной высоте человек не может находиться долго чисто физически. Ему будет не хватать кислорода. Даже если погода окажется прекрасной, ни ветерка, и температура, скажем, плюс пятнадцать (такого на вершине, конечно, не бывает).

На шести тысячах жить можно. На семи тысячах – тоже, хотя и плохо. На восьми – нельзя. Это как попытаться жить под водой без акваланга.

Именно поэтому бескислородные восхождения на восьмитысячники начались значительно позже, чем кислородные. Райнхольд Месснер и Петер Хабелер совершили свое знаменитое бескислородное восхождение на вершину мира в 1978 году, четвертью века позже, нежели Хиллари – первое в истории кислородное. То есть не первое. Но я – вне зачета.

В течение двух лет после того восхождения многочисленные критики утверждали, что Месснер и Хабелер использовали компактные бутылочки с кислородом, которые выбрасывали во всевозможные расщелины, чтобы никто их не нашел. Месснер, двумя годами позже поднявшись на вершину без кислорода в одиночку, утер критикам нос по полной программе. Впрочем, Герман Буль без кислорода поднялся на Нангапарбат еще в начале пятидесятых. Но об этом старались не вспоминать, тем более что Нангапарбат – значительно ниже.

Джон Келли не планировал геройствовать. У него был с собой кислород в спаренных баллонах фирмы Allied Healthcare. Причем этого кислорода было значительно больше необходимого. Джон Келли явно планировал провести на вершине много времени. Чего я не мог представить, так это как он поволочет вверх такую тяжесть – и он, и его шерпы были порядком перегружены.

Но он волок.

Вернемся в 1924 год. Джордж Мэллори идет в третью по счету экспедицию. Он пишет, что перед ним – самая высокая в мире гора, вызов человеческой силе и смекалке. Мэллори уже величайший альпинист в мире, но если он поднимется на эту вершину, то станет величайшим альпинистом отныне и навсегда, до самого конца времен.

У него, этого бесстрашного и бесстрастного человека, было две любви. Первая – гора, вторая – прекрасная Рут Тернер. Когда они познакомились незадолго до Первой мировой, то писали друг другу такие письма, что Шодерло де Лакло с его жалкими литературными попытками симитировать любовь не стоял даже рядом. Поженились они за три дня до войны.

Первая экспедиция двадцать первого года не ставила целью восхождение. Альпинисты обошли гору, сделали подробные карты, составили планы для второго захода. Годом позже Мэллори пришел в Гималаи в составе экспедиции, которая должна была идти наверх. Они – впервые в истории – взяли с собой кислород. За спиной каждого альпиниста была конструкция из четырех баллонов по двести сорок литров кислорода в каждом. Суммарная масса системы достигала четырнадцати килограммов. Для восьми тысяч – нереальная тяжесть.

Их было тринадцать человек – англичан. Семь военных, три врача, чиновник, химик и учитель. Учитель – это Мэллори. И еще более ста тридцати шерпов. Огромная толпа. Британцы не скупились на ресурсы. Базовым лагерем стал район монастыря Ронгбук.

На самый верх, конечно, пошли не все. Только четверо, не считая шерпов. Они поставили лагерь номер один на высоте 5400 метров, лагерь номер два – на шести тысячах и передовой лагерь – на 6400 метрах. Им казалось на тот момент – никаких проблем. Сложно, но возможно. Осталось меньше половины пути – мы дойдем. Оттуда, из передового лагеря, вышли тринадцать человек: четверо англичан (Джордж Мэллори, Говард Сомервелл, Эдвард Нортон, Генри Моршед) и девять шерпов. Они не стали брать кислород – лишь еды на тридцать шесть часов и оборудование для восхождения. Но уже первая ночевка сократила количество шерпов до пяти – четверо так ослабели от разреженного воздуха, что не смогли идти дальше и были отправлены вниз. Потом был второй день, а на третий погода ухудшилась, еды почти не осталось, все страшно ослабели без кислорода – и повернули назад, достигнув максимальной высоты 8225 метров. Мировой рекорд в скалолазании.

Представьте себе: этот результат позволил бы взойти на Чо-Ойю, Дхаулагири, Манаслу, Нангапарбат, Аннапурну, Гашербрум I и II, Броуд-Пик и Шишабангму – на девять из четырнадцати возможных восьмитысячников. Но им, безумцам, нужна была именно эта вершина.

Вторую попытку сделали Джордж Финч, Джеффри Брюс, Джон Ноэль и гуркхский офицер Тейбир Бура. И еще тринадцать шерпов. Они побили рекорд предыдущего захода. Два человека – Финч и Брюс – сумели добраться до высоты 8326 метров (остальные – в том числе все до единого шерпы – сдались и спустились обратно в передовой лагерь). Но на этой высоте у Брюса сломалась система подачи кислорода, и он начал резко слабеть. Финч мог бы идти дальше, но предпочел помочь другу спуститься. Кто знает, не стали бы они первопроходцами, если бы не технические неполадки.

Через несколько дней они совершили третью попытку – из базового лагеря вышли Мэллори, Сомервелл, Финч, Артур Уэйкфилд и Колин Кроуфорд. И четырнадцать шерпов. Возможно, они дошли бы, кто знает. Но сошла лавина, и эта лавина смела семерых шерпов вместе с едой и оборудованием. Подниматься дальше без припасов стало бы самоубийством. Они спустились.

В тот раз гора отказалась их принимать.

Джону Келли повезло. Изначально он планировал одиночную экспедицию. Не в смысле «соло», а в смысле – он и шерпы. Но теперь, когда удалось увязаться за французами, он был доволен. Так было значительно проще. Идущие впереди протапывали тропу, проверяли путь, помогали там, где было тяжело. Лагерь I, лагерь II, лагерь III – теперь все их заботы были общими.

До первого лагеря они дошли легко. Так легко, что об этом совершенно нечего рассказывать. Восемьсот метров вверх за считанные часы, никаких потерь, никаких сложностей. Яркое-яркое солнце и мороз. Главное – не забыть, что холод не спасает от ожогов. Забыл намазать лицо защитным кремом? Кожа начнет чесаться, затем шелушиться, будто ты все это время пролежал на пляже, а не полз навстречу по ледяным кромкам.

Даже лестницу они применили всего один раз. Южный склон – это не то чтобы игрушка для профессионала, но идеальный путь для новичка. Маститые альпинисты сравнивают его с ковровой дорожкой. То ли дело маршрут советской экспедиции, которая умудрилась пройти по контрфорсу юго-западной стены. За тридцать последующих лет никто не смог повторить их путь. Французы и Келли шли по простой дороге, хотя слово «простой» обязательно нужно брать в кавычки. Потому что на горе такой категории никакой простоты быть не может.

В мое время никто о категориях не говорил. Или о них все же говорили, но я об этом не знал. Я знал лишь, что есть гора и есть я. И мы должны встретиться.

Восемьсот метров – это больше, чем «правило шестисот метров». Каждый альпинист смотрит на дневной маршрут по-своему. Одни рекомендуют не подниматься за сутки более чем на пятьсот метров, другие – на шестьсот, иные позволяют добираться до тысячного барьера. Я насмотрелся на поднимавшихся и могу сказать: если вы за день сумели преодолеть более километра, поздравляю: вы мертвы. Хотя, если повезет, вас сволокут вниз, а отек мозга пройдет сам собой. Но если вокруг нет десятка шерпов, вы мертвы. Поэтому правила нельзя нарушать, какое бы из них вы ни избрали в качестве путеводного. Самый правильный вариант – это чередовать подъемы и спуски. Поднялись на новую высоту? Поставили лагерь III? Спустились в лагерь II и переночуйте там. А наутро поднимитесь и поставьте лагерь IV. Следующая ночевка – уже в лагере III. И так далее – ступень за ступенью, никаких рывков.

Так или иначе, французы успешно преодолели свои восемьсот метров, затем спустились на двести и осели в лагере I. Палатки расставили без проблем, все были веселы, бурны, и в воздухе немного пахло высотной эйфорией. Процесс кратковременной акклиматизации по внешним признакам напоминает легкую форму высотной болезни: учащенное сердцебиение, одышка, легкая головная боль. Что-то можно перетерпеть, что-то нельзя. Болит голова – тут же глотайте таблетку, легче не станет. Не спится – сразу пейте снотворное, отсутствие сна значительно страшнее приема медикаментов.

Джон Келли имел неплохую физическую подготовку. Посредственное оборудование он компенсировал тем, что присоединился к группе. Хорошее настроение ему обеспечила Матильда.

Если бы это был обычный поход, она бы в первый же вечер предложила ему спать в одной палатке. Но на высоте шести километров секса быть не может. Спать в одной палатке лучше, чем в разных, потому что так теплее. Но с кем спать – с мужчиной или женщиной – совершенно не важно. Все равно ты глотаешь дифенгидрамин или доксиламин – и спишь как убитый. Тебе не до женской красоты.

Джону Келли не хотелось спать с шерпами. У его людей было две палатки: одна для троицы шерпов, другая – самого Келли. И он не прочь был к кому-нибудь присоединиться. Но Матильда промолчала. Они минут пять поговорили на какие-то отвлеченные темы, а потом она отправилась к своим французам.

Вернемся в 1953 год. Знаменитый британский альпинист Генри Сесил Джон Хант возглавляет очередную экспедицию. Размах ее поистине королевский – четыреста человек, причем из них триста шестьдесят два – носильщики и двадцать – шерпы-проводники. Средств, затраченных на восхождение, хватило бы, чтобы в течение года кормить всех нищих какого-нибудь Ливерпуля или Манчестера. Конечно, наверх пошли не все. Большинство осталось в базовом лагере, кто-то осел в промежуточных. Последний лагерь они разбили на высоте 7890 метров.

Огромный, почти двухметровый Хиллари имел все шансы стать плохим альпинистом. Тяжелый костяк, могучие плечи, нескладное строение – да такому по ровной дороге передвигаться непросто, что уж говорить о горах. Но он не останавливался, потому что не умел. Он всегда двигался, если мог, – а он мог.

Сам Хант не планировал идти наверх. В соответствии с разработанной стратегией к вершине последовательно отправлялись две «двойки». В первую входили Том Бурдиллон и Чарльз Эванс, во вторую – Эдмунд Хиллари и шерп Тенцинг Норгей. Хиллари не хотел идти с шерпом – в этом проявился его снобизм. Нет, говорил он, я не пойду, я хочу идти с Лоу или с кем-либо еще, но не с этим узкоглазым. То, что узкоглазый в сто раз опытнее и выносливее любого европейца, Хиллари тогда не волновало.

Через три дня, кстати, они с шерпом уже были лучшими друзьями – и оставались такими всю жизнь. Когда в 1986 году Норгей умер, Хиллари рыдал так, как будто потерял сына,

брата и отца в одном лице. Впрочем, никакого «как будто». Когда ты идешь с кем-то на вершину, он действительно тебе – брат, сын и отец. Более того, он – ты сам. Ты знаешь, что, если погибнет он – умрешь и ты. Если он сломает ногу, ты тоже не выберешься. И ты учишься делить с ним все, что возможно разделить.

Первыми, 26 мая 1953 года, шли Бурдиллон и Эванс. Сложись обстоятельства чуть иначе, возможно, именно их имена сейчас открывали бы все альпинистские справочники. Но они прошли всего четыреста метров, когда у Эванса отказала система подачи кислорода. Бурдиллон понял все правильно. Они были единым целым, и один не мог двигаться вверх, оставив другого. Поэтому они спустились – в тот же день. На отдых должно было уйти по меньшей мере три дня, и потому шахматный порядок вывел на тропу вторую двойку. Точнее, пятерку, потому что до штурмового лагеря на высоте 8500 Хиллари с напарником довели трое шерпов.

Но дальше они шли вдвоем.

Утром один из французов почувствовал себя плохо. Пульс – сто восемь ударов в минуту. Так не годится. Утренний пульс не должен быть больше сотни, в противном случае выходит, что человек не смог приспособиться к высоте. Он сумеет дойти до второго лагеря, но оттуда его придется спускать. Это может разрушить всю экспедицию. Французов было десять, плюс пятнадцать шерпов с ними. Двоих шерпов отправили вниз – сопровождать заболевшего. Джону Келли сказали: будешь на его месте? Буду, сказал он. Тем более, место освободилось в палатке с Матильдой. Хотя палатка была трехместной и с ними ночевал еще один француз, Келли такой расклад нравился.

Было решено еще на один день остаться в лагере I. Задержаться – лучше, чем поторопиться. Все-таки восемьсот метров – немалый рывок, и отдых после него не помешает. Но лишать себя акклиматизации тоже глупо. Поэтому они поднялись на 6500, а затем спустились на 6000. Очередная ступенька. Матильда шла в сцепке с Келли, а потом весь вечер просидела в его палатке. Они разговаривали о разном, но больше всего Матильду интересовала цель англичанина. Что за фотография? – спрашивала она. Как она выглядела? Почему ты надеешься найти ее там, когда уже несколько тысяч человек побывали на вершине и ничего не нашли? У тебя в рукаве есть козырь?

Нет, отвечал Келли, у меня нет никакого козыря. Просто я знаю, что Мэллори не мог не дойти. Он ведь из Мобберли.

А фотография... На фотографии была Рут. Милая, молодая, ей было всего тридцать два, когда погиб ее муж, а снимок сделали за несколько лет до этого, в 1920 году.

Ее отцом был Хью Теккерей Тернер, архитектор по профессии и художник по призванию. Самая известная его работа – часовня в Мемориальном парке Филлипса, что в Годалминге, графство Суррей. Парк был разбит и назван в честь Джека Филлипса, того самого героического телеграфиста, который выстукивал SOS и другие сигналы бедствия на разваливающемся после удара об айсберг «Титанике». Помимо часовни Тернер построил ряд жилых коттеджей в Гилфорде.

Рут росла в Годалминге, в Уэстбрук-Хаусе, особняке, спроектированном ее отцом. Тернеры дружили с блестящими людьми своего времени. В их доме постоянно бывал знаменитый Уильям Моррис, поэт, художник и издатель, а Рут училась в школе, принадлежавшей матери Олдоса Хаксли.

В 1913 году, когда Рут исполнился двадцать один год, она присутствовала на ужине у Артура Клаттон-Брока, великолепного эссеиста и критика, регулярно собиравшего у себя интеллектуальную элиту графства. Там она познакомилась с молодым Мэллори, которому, казалось бы, суждено было стать священником, ведь его отец служил Богу и его дед по материнской линии служил Богу, но Джордж хотел приключений. Он изучал историю в Кембридже и каждый год ходил в горы – сначала со своим другом и наставником Грэмом Ирвингом,

а затем и во главе самостоятельно организованных групп. Мэллори дружил с художниками и поэтами, цветом своего поколения, и потому до наших дней дошло множество его портретов. Чрезвычайно фотогеничный, красивый, он постоянно попадал в поле зрения живописцев, и те рисовали его, рисовали неистово – красками, карандашами, углем, чернилами.

После Кембриджа он поступил учителем в школу Чартерхаус в Годамминге, одну из престижнейших школ Англии, а тремя годами позже увидел Рут. Он влюбился в нее с первого взгляда – в ее глаза, волосы, улыбку. У нее было такое простое, такое милое лицо, такой светлый и кроткий взгляд, что Мэллори весь вечер у Клаттон-Брока смотрел только на нее.

Годом позже Хью Тернер пригласил блестящего молодого человека, которого прочил в мужа одной из своих дочерей, на совместные каникулы в Венето. Там, в Италии, в городке Азоло, Мэллори понял, что не может жить без Рут, и признался ей в любви. Она ответила взаимностью.

Он пишет ей: «О, как прекрасен был тот день среди цветов в Азоло!» Он пишет ей: «Как удивительно, что ты тоже любишь меня и даришь мне радость, о которой я не смел и мечтать». Он пишет ей: «Мои руки соскучились по тебе, мне так хочется нежно прижать тебя к своей груди».

Они переписывались, посылая друг другу по письму в день, они осыпали друг друга признаниями, они ездили друг к другу, и обе семьи были всецело за столь красивый и гармоничный брак. 29 июля 1914 года Рут Тернер и Джордж Герберт Ли Мэллори стали мужем и женой.

А потом началась война.

Какое отношение имеет роман между Рут и Джорджем к горе, к восхождению, к фотографии? Хорошо, пусть он собирался оставить этот снимок на вершине, но стоит ли так подробно останавливаться на личности Рут? Не достаточно ли краткого описания ее внешности и утверждения, что Мэллори ее безумно любил?

Нет, ответу я, недостаточно. Точно такой же ответ дал Джон Келли Матильде, когда она спросила его, неужели подобные знания хоть как-то помогут отыскать фотографию Рут. Конечно, помогут, ответил Келли. Без них поиск фотографии теряет всякий смысл.

Идиллическая история любви великого альпиниста к прекрасной девушке характеризует его как нестигаемого человека. Если бы он был одинок, хладнокровен, жесток, он бы скорее имел право рисковать жизнью, пытаясь одолеть невозможные вершины. Но он любил и был любим, и все свои восхождения посвящал жене. Она никогда не просила его остановиться, никогда не заставляла остаться внизу. Она знала, что он любит ее больше жизни. И, что самое страшное, она знала: горы он любит еще сильнее.

В год их свадьбы грянула Великая война. Друзья Джорджа – Роберт Грейвс (да-да, тот самый знаменитый писатель, автор романа «Я, Клавдий») и Руперт Брук добровольцами ушли на фронт. Годом позже Брук заразился кровью и умер. Это стало переломным моментом в судьбе Мэллори – он тоже ушел на войну. Рут рыдала и не хотела его отпускать, но Мэллори стремился защищать свою страну, и ничто не могло его остановить. И еще – видимо, именно это послужило основным стимулом – Джорджу опостылела мирная, спокойная семейная жизнь. Он хотел приключений. К тому времени у пары уже родилась дочь. Мэллори отнесся к рождению малышки спокойно. Он хотел сына.

Рут писала ему письма на фронт – нежные, полные любви, спокойствия и ожидания. Он отвечал, что каждое ее письмо – как луч света, развеивающий тьму перед его глазами. В своих письмах он обрисовывал картины артобстрелов, причем в спокойных выражениях, точно прожил под огнем всю сознательную жизнь. «Это было шумновато, – писал Мэллори. – Полевые батареи опять били над самыми нашими головами, и наиболее неприятным был шестидесятифунтовый снаряд, погасивший мою лампу ударной волной...»

Сама Рут некоторое время работала в тылу, готовя медикаменты для раненых, но, когда вокруг появились собственно раненые, спасовала, опасаясь заразиться какой-либо инфекцией и передать ее малышке Клэр.

Джордж приезжал на побывки, и в сентябре 1917-го у них родилась вторая дочь – Берри. Потом Мэллори ранило, он вернулся в Англию, некоторое время лежал в госпитале, затем работал в тылу, затем снова уехал на фронт. Из Франции он вернулся после войны, в 1919-м, снова начал преподавать и готовить свою альпинистскую группу к новым походам. До войны в ней было шестьдесят человек, после войны осталось двадцать шесть. Двадцать три альпиниста погибли, еще одиннадцать получили травмы, исключаящие восхождения.

Еще годом позже наконец родился сын, которого назвали Джоном. Они были счастливы. Но Джордж Мэллори не мог находиться внизу. Его беспрерывно манили горы.

Рут была сердцем его приключений. Она знала это – и страдала. Она не могла без него, он не мог без нее, и в ее честь он совершал подвиги, которых она не хотела.

На той самой фотографии она сидит к фотографу левым боком, даже чуть спиной, обернувшись, чтобы посмотреть в камеру. У нее крупные, но нежные черты лица: глаза, нос, щеки. Ее густые вьющиеся волосы собраны в аккуратную прическу. Джордж всегда носил с собой этот снимок. Когда ему становилось плохо, он доставал его и смотрел в глаза своей любимой женщине. То, что он собирался оставить фотографию на вершине, говорит о многом.

Это еще один аргумент в пользу того, что он все-таки дошел. Оставив снимок на вершине, он оставил там и свою удачу. Без фотографии Рут он не мог вернуться с горы живым.

И он не вернулся.

Глава 3. Ирвин

На третий день французы поднялись в лагерь II, сначала взобравшись на высоту 6700 метров, затем вернувшись на 6300. Семеро из них не знали английского языка, поэтому Келли общался только с Матильдой и руководителем экспедиции, Жаном. Жан был достаточно дружелюбен, но все-таки с большим удовольствием проводил время в кругу соотечественников. Шерпы тархтели на своем языке. Келли чувствовал себя слегка не в своей тарелке, но продолжал идти.

Погода немного ухудшилась, подниматься мешал сильный ветер. На самочувствие никто не жаловался, но уже во втором лагере один из французских шерпов, Анг, почувствовал себя плохо, и его отправили вниз вместе с другим шерпом. Экспедиция сократилась до двадцати четырех человек.

Мне сложно понять, как шерпы воспринимают восхождение. Для европейца это подвиг, а для шерпов – обыденная работа: донести груз, показать дорогу. Белый альпинист платит безумные деньги и поднимается, чтобы побывать на вершине. Шерпу вершина безразлична. Он может донести груз до штурмового лагеря на 7900 и отправиться вниз. Он выполнил свою работу, миссия окончена. Поэтому, когда шерпу плохо, он говорит об этом и спускается. Геройству тут места нет.

То ли дело европеец или американец. Он будет ползти наверх даже со снежной слепотой и отеком легких. Его охватит горная эйфория, и он не сможет побороть ее сам. Помогите ему.

Во время знаменитого трагического похода 1996 года альпинистка Лене Гаммельгард (впрочем, оставшаяся в живых) категорически настаивала на том, чтобы идти без кислорода. Она равнялась на руководителя группы Анатолия Букреева, который не пользовался баллонами из принципа, не понимая, что Букреев имеет больший опыт, он физически выносливее, сильнее. И что он мужчина. Ей обязательно нужно было испытать себя. А руководитель экспедиции Скотт Фишер не мог отказать клиентам. Болен? Ничего, мы тебя дотащим. Слаб? Без проблем, мы тебя поддержим.

Это распространенная ошибка. Многие думают: завтра пройдет. Или: приму таблетку, и все будет хорошо. Или: ничего, другие же смогли.

Другие – смогли. А ты не сможешь, дружок. Ты останешься там. Тебя ждет гипотермия. Тебя ждет гипоксия. Тебя ждет смерть.

Пару лет назад один сумасшедший турок хотел затащить на вершину велосипед. Он добрался на нем до базового лагеря, и это показалось ему достаточно легкой задачей. А что, велосипед легкий, думал он, всего-то пятнадцать килограммов. Только на высоте они превращаются в семьдесят.

Впрочем, для Айдина Ирмака это был всего лишь крошечный островок в море безумия. Много лет назад он эмигрировал в США, занимался мелким бизнесом, разорился, развелся с женой и стал бомжом. В прямом смысле – четыре месяца он жил в картонной коробке под мостом Куинсборо. А потом нашел себе занятие – подбирал на улицах брошенные велосипеды, чинил их и продавал через Craigslist, сайт электронных объявлений. Однажды он нашел этот байк – и уже не смог с ним расстаться.

Потом он работал как вол, сделал несколько хороших дизайнерских проектов, поднялся обратно в нормальную жизнь и накопил двадцать тысяч долларов. А потом повторил мой путь. Прилетел на самолете в Амстердам, сел на велосипед и поехал на нем в Тибет – через Россию и Китай, заодно сделав пару крюков и побывав в Малайзии, Индонезии, Лаосе. Когда он

добрался до горы, денег на пермит⁴ уже не было – и он одолжил у друга еще тридцать пять тысяч долларов. В пермите ему отказали.

Он ворвался в офис бюрократа, заведующего выдачей пермитов, и сказал, что совершит самосожжение, если ему не разрешат подняться на гору. Черт его знает как, но он одержал победу.

Велосипед он в итоге оставил в лагере. То есть попытался пойти с ним и понял, что не доберется даже до лагеря I. И пошел без велосипеда. А еще без альпинистской подготовки, без шерпов и почти без кислорода, потому что его кислородная маска сломалась. Как ни странно, он добрался до вершины. Ему уже было так плохо, что сил доставать фотоаппарат не оставалось. Он почти сразу начал спуск, но хватило его ненадолго. Ко всему прочему, он умудрился потерять очки.

Собственно, на моей памяти из «зоны смерти» альпинистов спасали всего дважды. Линкольна Холла в 2006-м и этого сумасшедшего турка в 2012-м. Но если за Холлом вышла целая экспедиция, то Айдина Ирмага вниз дотянул парень-одиночка, израильтянин Надав Бен-Йегуда. Он прервал собственное восхождение и тащил на себе полутруп в течение девяти часов, хотя до того перекинулся с турком всего парой слов в базовом лагере. Вероятность того, что выживут оба, равнялась от силы одной тысячной процента. Они попали в эту тысячную.

Поэтому – я повторяюсь, – если вы чувствуете себя плохо, не нужно героизировать.

Хотя нет. Есть один-единственный случай, когда героизм позволительно и даже более того – необходимо. Это случай, когда вершина для вас значительно дороже жизни.

Как ты собираешься ее искать? – спросила Матильда. Джон Келли сделал странный жест – то ли пожал плечами, мол, не знаю, то ли показал, что до поры до времени не хочет раскрывать карты. Там же наст, сказала Матильда. И если до тебя ее никто не нашел, значит, она где-то далеко под настом. Да и неизвестно, что с ней. Если она бумажная, то, скорее всего, сгнила, несмотря на холод и низкий уровень кислорода.

Келли покачал головой. Она в рамке за стеклом, сказал он. Мэллори нес ее именно так. Он хотел прикрепить к ней палку и воткнуть в снег. Так, скорее всего, он и сделал, но потом ветер завалил снимок, его покрывало снегом – слой за слоем, – и поэтому к тому моменту, когда наверх поднялся Хиллари, фото было уже не найти. Да Хиллари и не искал, скорее всего. Или искал?

А если его просто сдуло? Если он уже сто лет как покоится в какой-нибудь трещине? Что ты тогда будешь делать?

Не покоится, покачал головой Джон Келли. Он там, наверху. Других вариантов нет.

Вернемся в 1953 год. Хиллари, Джордж Лоу, Альфред Грегори и два шерпа – Анг Ниима и Тенцинг Норгей – поднимаются наверх, в штурмовой лагерь. Те, кто не собирается идти дальше, продвигаются во главе цепи, вырубая ступени и подготавливая веревки. Идущие позади экономят силы. Они устанавливают палатку на высоте 8500 метров. Им везет, погода отличная. После установки Лоу, Грегори и Ниима спускаются обратно, остаются Хиллари и Норгей.

Лоу очень хотел стать первым на горе. Но он знал, что это работа для одного. И он отдал эту честь своему другу.

Хиллари и Норгей устраиваются на ночлег. Хиллари снимает ботинки – он представитель цивилизованного мира, он не может спать в обуви. Ботинки он заворачивает в одеяло и

⁴ *Пермит* – официальное разрешение китайских властей на посещение Тибетского автономного района и других охраняемых природных и культурных территорий. В более широком смысле – разрешение на посещение любого закрытого для свободного туризма района, в том числе на восхождение.

кладет под голову в качестве подушки. Норгей спит в обуви. Наутро оказывается, что ботинки надеть невозможно – они превратились в два куска льда. Альпинисты растапливают примус и отогревают их в течение двух последующих часов.

Они идут, меняясь. Впереди то Норгей, то Хиллари. На них три слоя перчаток и десять слоев одежды. За спинами – шестнадцатикилограммовые кислородные приборы. Они идут между Сциллой и Харибдой. Справа – обрыв, слева – скала, или наоборот. Они думают: вот осталось чуть-чуть, это уже последний сугроб, а он оказывается не последним, они перебираются через него и продолжают идти. Тут не о чем думать, тут нужно сжать зубы и идти, карабкаться, ползти, грызть камень, лед и снег.

Альпинисты связаны двухметровой веревкой, точнее, она закреплена таким образом, чтобы сохранять между ними постоянное расстояние. Еще точнее, длина веревки – не два метра, а шесть футов. Просто кому-то привычны стандартные меры, и я стараюсь пользоваться ими, а не традиционными британскими.

Когда перед альпинистами оказывается вершина, впереди идет Хиллари. Именно он, новозеландец, первым вступает на самую неприступную вершину в мире. По крайней мере, если верить официальным источникам. Секундой позже наверху оказывается и шерп. Впоследствии журналисты спрашивали их: кто из вас был первым. Чье имя должно быть в каждом заголовке. Альпинисты написали официальное заявление, в котором указали, что вступили на вершину почти одновременно. Журналисты прицепились к слову «почти». Тогда Норгей официально заявил, что первым был Хиллари – чтобы эта свора поутихла.

Хотя это, конечно, чушь. Если два альпиниста связаны одной веревкой, они становятся сиамскими близнецами. Нет Хиллари и Норгея – есть Хилгей и Норлари, это один человек, это Сакко и Ванцетти, Роллс и Ройс, Орвил и Уилбур Райт.

Они провели на вершине ровно пятнадцать минут. Хиллари снимал гималайские виды, потом сфотографировал Норгея. Сам он отказался отдать аппарат шерпу. Он не хотел, чтобы его сняли на вершине. Ему достаточно было присутствия.

На фотографии Норгей стоит, опираясь на правую ногу, левую поставив на гребень. На нем бежевые штаны и ботинки на высокой шнуровке, синяя куртка, перчатки и кислородная маска. В правой руке он держит древко с четырьмя флагами: британским, индийским, непальским и ООН. Более или менее прилично виден только британский, остальные не разглядеть, потому что ветер дует от фотографа, пряча флаги за древко. Глядя на эту фотографию, понимаешь, что спрятать снимок Рут на вершине негде. Даже если Мэллори воткнул штангу с рамкой на полметра в снег, ее все равно бы смело.

Но я знаю кое-что, чего вы не знаете. Когда Хиллари шел к вершине, он ужасно боялся увидеть там рамку с фотографией Рут, потому что это сделало бы его вторым. Он умел проигрывать – но не хотел этого делать. Когда он оказался на вершине – девственно белой, без единого следа человеческого вмешательства, – то успокоился. Но он понимал, что ветер мог – да и не то что мог, а должен был – снести снимок вниз.

Тем не менее он поискал фотографию глазами. Он даже нагнулся и немного покопался в снегу – на серьезные поиски просто не хватало сил. Он не хотел найти снимок, просто должен был выполнить определенный ритуал, без которого восхождение стало бы фикцией. Он его выполнил. Снимка не было. Джордж Мэллори не добрался до вершины – доказано на практике.

Эдмунд Хиллари, великий альпинист, первым побывавший на вершине высочайшей горы мира, отправился вниз.

Со времен Хиллари на вершине побывали тысячи альпинистов. В последние годы вершину немножко утоптали – на ней можно вполне нормально стоять, явного гребня посередине не видно. Никто и никогда не видел фотографию Рут.

Не хочешь говорить – не говори, – отвернулась Матильда, когда на очередной вопрос Келли рассказал ей отвлеченную историю, ни словом не обмолвившись о том, как будет искать артефакт.

У меня есть металлоискатель, проямлил он. Она рассмеялась – а если рамка деревянная? Если там нет железа? Есть железо, ответил Келли, я уверен, что есть. У тебя будет мало времени, сказала она. Да, ответил он, около получаса. Но я успею.

На деле рекорд пребывания на вершине составляет тридцать два часа – и это полное безумие. Второе по длительности достижение – на десять часов меньше, около двадцати одного часа. Человек, даже находясь в добром здравии, не способен провести столько времени в условиях чудовищного кислородного голодания. Того, кто сумел выжить на вершине более суток, звали Бхакта Кумар Рай, и он был в первую очередь не альпинистом, а буддийским монахом, духовным учителем. И двадцать семь часов он провел в медитации, сведя жизненно важные для организма процессы к минимуму.

И еще одно: его рекорд официально не признан. Не хватает доказательств.

Но это не важно. Суть в том, что у Джона Келли действительно было очень мало времени на вершине. При этом он почему-то совершенно не волновался. Он знал, что успеет.

И еще кое-что. Вполне вероятно, что восхождение вообще не понадобится, сказал он Матильде. Почему? Он улыбнулся и промолчал.

Тело Мэллори нашли в 1999 году. Это не было случайностью. Поиски являлись личным проектом Эрика Симонсона, американского альпиниста, который хотел наконец разрешить загадку исчезновения легендарного англичанина. Он не собирался спускать тело Мэллори вниз, потому что знал: лучшей могилой для великого альпиниста могла быть только гора. Он хотел докопаться до истины. Информационной основой экспедиции послужили исследования немца Йохена Хеммлеба – тот по косвенным данным рассчитал квадрат, в котором следовало искать тело Ирвина – именно Ирвина, а не Мэллори. Это было даже хорошо: хотя фотоаппараты были у обоих, основным фотографом считался Ирвин. Если бы англичане добрались до вершины, он бы наверняка снял напарника на фоне расстилающейся вокруг панорамы.

1 мая 1999 года, всего через несколько часов после начала операции, член поисковой группы Конрад Анкер заметил тело. Они полагали, что это Ирвин, – по всем расчетам именно здесь тот должен был спускаться. Но это оказался Мэллори. Он лежал на высоте 8155 метров, обнимая скалу руками.

Он и сейчас лежит так.

Камеры на теле не было. Зато команда нашла целый ряд других артефактов, способных пролить свет на тайну восхождения 1924 года. Смерть Мэллори наступила, скорее всего, от тяжелой травмы черепа, полученной в результате падения. Также у него была сломана нога. Судя по всему, порвалась или была перерезана веревка, связывающая Мэллори с Ирвином. Первый упал, второй – исчез. Если они действительно спускались, до лагеря им оставалось всего полтора часа ходьбы.

Темные очки нашли у Мэллори в кармане. Это могло означать лишь одно: они шли ночью. Подниматься ночью может только безумец – так что они, видимо, двигались вниз. Впрочем, у Мэллори могла быть вторая пара, слетевшая с него во время падения.

В блокноте Мэллори было записано, что для финального рывка, судя по всему, нужно три, а не два баллона кислорода.

И главное, что нигде – ни во внутреннем кармане у сердца, ни в ботинке, ни в сумке – не нашли самый главный артефакт – фотографию Рут. Мэллори где-то ее оставил.

Впоследствии на поиски тела Ирвина отправлялось еще несколько экспедиций, но все вернулись ни с чем. Напарник Мэллори пропал без следа вместе с фотоаппаратом.

Это же какой-то бред, сказала Матильда. Ну, хорошо, у тебя есть металлоискатель, который найдет снимок, впрочем, я в это не верю, но ладно. Допустим. А если фотографии там нет? Не потому, что Мэллори ее не оставил, а потому, что там температура минус шестьдесят и ветер под двести километров в час. Потому, что там всегда снег, снег, снег и ничего, кроме снега. Эта железка, на которую Мэллори собирался насадить рамку, давно проржавела насквозь и сломалась, снимок унесло. Вероятность этого – девяносто девять процентов. Что ты будешь делать? Будешь подниматься снова и снова в надежде найти иголку в стоге сена?

Нет, Келли покачал головой.

А что? Вот правда. Своей сказкой ты можешь обмануть Жана, потому что он наивный. И остальных, потому что они твой английский почти не понимают. И шерпов, потому что им безразлично. Но нормального умного человека ты не обманешь. Или у тебя другая цель, или у тебя есть козырь в рукаве.

Есть, сказал Келли.

Давай колись, она толкнула его плечом. Чего скрывать-то. Ты же знаешь, мы все тут – одно целое. Хватит строить из себя Бонда.

Келли усмехнулся, но ничего не ответил. По его глазам Матильда понимала, что он знает больше, намного больше, чем говорит. И еще она поняла, что он просто играет с ней. Что сейчас он все скажет, просто потянет время еще чуть-чуть.

Я жду, заметила она.

Я знаю, где лежит Ирвин, сказал Келли.

Глава 4. Кембридж

Первое же утро в лагере III на высоте 6800 омрачилось трагедией. Один из французов, Дидье Симонэ, проснулся в пять утра, растолкал товарищей и поздравил их с новым утром. Потом он оделся и вышел подышать свежим воздухом. Его не было пять минут, десять минут, пятнадцать минут. Потом его друг Матье Берже выбрался следом, чтобы спросить Дидье о чем-то. Дидье сидел на уступе, оперев подбородок на руки, и смотрел вдаль. Дидье, позвал Матье. Тот не откликнулся. Дидье, слышишь меня? Тот продолжал сидеть. Матье выбрался из палатки, подошел к Дидье и положил ему руку на плечо. Симонэ начал заваливаться на сторону. Он был мертв.

Это называется деградация. Истощение, усталость, вялость – и остановка сердца. Тихая, мирная, аккуратная смерть.

Они сделали ошибку, говорю вам с полной уверенностью. Им следовало сделать ступеньки более равномерными. Спускаться после подъема на большие расстояния. Аккуратнее распределять акклиматизацию. Но они стремились вверх и заночевали почти на пике дневного подъема. Чаще всего это не оборачивается трагедией. Но бывает и по-другому.

Вместе с телом Дидье вниз ушли четверо французов и шестеро шерпов. Всего минус одиннадцать. Их осталось тринадцать, и этого вполне хватало.

Руководитель экспедиции, Жан, предлагал остановиться. Он готов был спуститься вниз, потому что винил себя в трагедии, случившейся с его другом. С одним из тех, кто ему доверял. Но его уговорили не сдаваться. Дидье уже ничем не поможешь, а вершина ждет. У остальных со здоровьем полный порядок – насколько с ним может быть порядок на такой высоте. Келли был совершенно спокоен. Он общался с умершим разве что краткими приветственными кивками и не испытывал по поводу его ухода никаких чувств. Матильда плакала, хотя знала Симонэ всего месяц – они познакомились перед самой экспедицией. Слезы замерзли на ее щеках.

Из-за задержки они прошли мало, после чего решили спуститься в лагерь I, чтобы отдохнуть. Это нужно было сделать сразу после прохождения высоты, на которой они разбили лагерь II. Тогда Симонэ бы, возможно, остался жив. Шел шестой день. До штурмового лагеря они планировали добраться на восемнадцатый.

Все ходили мрачными, в лагере почти не разговаривали. Келли тоже молчал. Все равно ему было нечего сказать.

Вернемся в 1934 год. Как уже упоминалось, шестнадцатого апреля я, вооруженный лишь ледорубом, отправился наверх. Я вышел рано утром, когда мои разгильдяи-шерпы еще спали. Со мной был мой верный дневник – изготовленный в Японии блокнот с надписью Present Time Book. Я вел его с двадцать первого марта, с момента въезда в Непал.

Это было трудно, по-настоящему трудно. Я постоянно терял тропу, иногда приходилось обходить трещины, делать огромные крюки, чтобы преодолеть препятствие, на которое я не мог забраться. Все это – в чудовищных условиях, потому что было холодно, ветер пронзал до самых костей, зрение становилось все хуже, я начал кашлять, голова болела, не переставая. Хотя я был еще так низко, до лагеря Ратледжа оставалось порядка двух миль, а в пути я провел целых пять дней! Несколько раз приходилось спускаться, чтобы найти хоть сколько-нибудь приличное место для палатки. В последний день я ставил ее почти полтора часа – пальцы не слушались.

Тогда в первый раз на меня обрушилось отчаяние. Я понял, что не дойду. Умереть – не страшно, что вы. Я боялся не увидеть вершину.

Я спускался обратно четыре дня – двадцать четвертого апреля я снова был на пороге монастыря. Я почти ничего не видел, потому что не догадался взять с собой темные очки: ведь

раньше я слыхом не слыхивал о снежной слепоте. Мои военные раны открылись, лодыжки чудовищно ныли, особенно та, из которой много лет назад извлекли две пули. Я ведь был героем войны, не забывайте. Меня прошило пулеметной очередью.

Эти трое лентяев, Теванг, Ринзинг и Церинг, по-прежнему прохлаждались в монастыре. Надо отдать им должное – они правильно сделали, что пытались меня отговорить идти в одиночку. Но я считаю, что они должны были идти со мной. Вчетвером мы бы добрались.

Монахи окружили меня заботой. Я ел, пил и спал в свое удовольствие, и чем лучше становилось мое состояние, тем больше я грезил о горе, тем сильнее рвался отправиться туда снова. Шерпы продолжали меня отговаривать. Монахи отмалчивались.

Так или иначе, двенадцатого мая мы тронулись в путь, на этот раз втроем: я, Теванг и Ринзинг. Церинг, совсем расклеившийся и разболевшийся, пошел в противоположную сторону, к своей деревушке. Шерпы хорошо знали дорогу – до третьего лагеря экспедиции Ратледжа мы добрались за три дня. Там пришлось остаться почти на неделю, потому что поднялся ветер, пошел снег – погода ухудшилась настолько, что даже я при всем своем рвении понимал, что в подобных условиях мы не доберемся.

Сперва я хотел срезать дорогу и двигаться сразу к пятому лагерю Ратледжа, но шерпы меня отговорили. Теванг нашел способ на меня воздействовать. Он сказал: лучше мы будем идти медленно, но точно дойдем. Вам же важно добраться, не так ли? Да, сказал я, важно добраться. И согласился идти длинным путем.

А двадцать первого мая я пошел вперед – один, без шерпов, в надежде найти веревки и лестницы, установленные Ратледжем за год до меня.

Матильде не давали покоя слова Келли. Она не знала, как их понимать. Собирался ли Келли на вершину? Может, он планировал сойти с маршрута в районе 8100 метров и отправиться в неизвестность на поиски тела Ирвина? Может быть. Но она не спрашивала англичанина ни о чем, потому что поняла: когда настанет время, он сам все расскажет.

Но он не рассказывал. Он хитро улыбался и переводил разговор на менее интересные темы. Например, он любил говорить о литературе. Он восхищался Чайной Мьевилем, которого Матильда не читала, и пересказывал ей содержание романа «Вокзал потерянных снов». Матильда путалась в перипетиях сюжета, но повторить не просила, потому что ей было скучно. Тем не менее тайна, окружавшая англичанина, делала его несоизмеримо привлекательнее таких милых, интересных, до самого дна изученных товарищей-французов. Поэтому Матильда слушала разглагольствования Келли и пыталась выловить в них хотя бы намек на то, что ее действительно занимало.

Психология альпиниста такова, что на маршруте он начинает думать только о том, как пройти. Или как решить локальные задачи: установить лестницу, вставить френд, вбить крюк. На другие мысли просто не остается времени. Зазеваешься – прощай. Цеванг Палжор ждет тебя в пещере. Но Матильда не могла не думать о Келли. Откуда он знает, где лежит Ирвин? Да вообще, где он, этот Ирвин, черт подери, лежит? Нет ответа. И Матильда шла дальше, продираясь через снежную вертикаль.

На десятый день они разбили лагерь IV на высоте 7200 метров. Пятый, предпоследний, планировался на Южной седловине, почти на восьми тысячах. А дальше – штурмовой, и все, финал. За четыре дня Келли не сказал ни слова. Матильда пыталась разговаривать его разными способами. К сожалению, женские чары тут не годились по двум причинам. Во-первых, выглядела она с красным облупленным лицом и в мешковатой одежде не слишком соблазнительно. Во-вторых, на такой высоте хочется только спать. Даже желание поесть ощущается далеко не всегда. Как уже упоминалось, женщины тут мужчинам не нужны.

Матильда понимала, что так или иначе все узнает, если, конечно, маршрут Келли не ответвится от экспедиционного. Но в глубине души уже не сомневалась: если понадобится, она

пойдет с Келли, чего бы это ей не стоило. Она тоже хочет узнать, что же все-таки случилось с Джорджем Гербертом Ли Мэллори.

На одной из прижизненных фотографий Мэллори стоит рядом с двумя другими альпинистами на фоне невысоких гор, почти холмов. На всех троих надеты шляпы от солнца, у всех троих – рюкзаки. Странность лишь в том, что, помимо шляпы и рюкзака, на Джордже Мэллори нет ничего. Он стоит в пол-оборота, весело улыбаясь, и да, мы видим его задницу. Мэллори на снимке справа. Мужчина слева тоже обнажен ниже пояса, на нем еще рубашка, подвернутая узлом на животе. Центральный герой снимка одет.

Что это за фотография? Что за гомосексуальный эротизм? Какие это годы? Почему Мэллори, так безумно любивший свою Рут, бесстрашный и мужественный человек, солдат империи, стоит в таком виде? Может, это всего лишь невинная шутка, хулиганство молодого парня, а может?..

За пять лет до брака с Рут, во время обучения в Кембридже Мэллори дружил с интеллектуальной элитой, цветом общества – Литтоном Стрейчи, Рупертом Бруком, Джоном Мейнардом Кейнсом, Дунканом Грантом. Это были те самые великие и влиятельные – группа Блумсбери, среди них была Вирджиния Вулф, которая попеременно оказывалась в постели то одного, то другого, а то и нескольких вместе; среди них был Бертран Рассел, находивший молодых людей забавными и интересными; и еще юная Дора Каррингтон, и Вита Сэквилл-Уэст, и Роджер Элиот Фрай, и Э. М. Форстер, и Дэвид Гарнетт. Мэллори вращался в таком обществе, что позавидовать ему мог любой современник, да и потомок тоже. Будучи посредственным поэтом – он пробовал брать в руки перо, но из этого ничего толком не вышло, – Мэллори нашел свое призвание в горах.

Свободные связи в той среде были нормой. Гомосексуальные пары нисколько не скрывались, отношения среди кембриджских отпрысков становились все более и более раскованными, воздушными и нежными, независимо от их пола и возраста. Дункан Грант, гомосексуал до мозга костей, последовательно встречался с Литтоном Стрейчи и Дэвидом Гарнеттом, потом с ними жила сестра Вирджинии Вулф – Ванесса Белл, которая родила от Гранта дочь Анжелику, при этом не мешая ему постоянно встречаться с мужчинами. Когда Грант исчезал из дома, она спала с его любовником Гарнеттом. Впоследствии Гарнетт женился на подростковой Анжелике Грант, замкнув кольцом эту странную любовную связь.

Литтон Стрейчи, блестящий писатель, мастер пера, в свою очередь, жил с Дорой Каррингтон и ее мужем Ральфом Партриджем, они занимались любовью парами (мужчина с женщиной или мужчина с мужчиной) или втроем. Параллельно Стрейчи томился страстью к Руперту Бруку, и тот отвечал ему взаимностью.

Находясь в подобном обществе, очень трудно избежать грехопадения, даже если изначально тебя интересует только противоположный пол. Мэллори, чью честь впоследствии многожды пытались защитить и обелить, был влюблен в Джеймса Стрейчи, младшего брата Литтона, – и, судя по всему, недолгие сексуальные отношения у них были. Потом Стрейчи ушел к Бруку. В Мэллори был, в свою очередь, влюблен его куратор Артур Бенсон, поэт и эссеист. Из-за отсутствия взаимности со стороны будущего повелителя вершин Бенсон получил серьезный нервный срыв.

Сейчас все это кажется безумным, но для Кембриджа начала прошлого века подобная сексуальность была совершенно нормальной, открытой и даже намеренно выставляемой напоказ, с гордостью и нарочитым презрением к окружающим. Днем молодые люди обсуждали общественно значимые проблемы, писали картины, создавали блестящие стихи, печатали отличные статьи, а ночью занимались бисексуальным свингерством. По крайней мере, так это выглядит сейчас.

На деле все было несколько иначе, и обвинять этих людей в извращениях – то же самое, что обвинять Льюиса Кэрролла в педофилии. Их отношения не имели никакого касания к звериным совокуплениям. Это были отношения ради красоты, ради изящества, ради игры. Молодые люди плели интриги и крутили романы, для того чтобы получить еще толику вдохновения и привести в мир нечто новое.

Неужели это тоже важно? – спрашивала Матильда. Да, конечно, отвечал Келли, как это может не быть важным. Местоположение фотографии Рут и тела Ирвина напрямую зависят от того, чем жил, чему радовался и от чего страдал Джордж Мэллори. Расследование должно быть полным, поскольку иначе я ничего не найду.

Так ты знаешь или не знаешь, где лежит Ирвин?

Знаю, но я там, как ты понимаешь, никогда не бывал. Я вычислил это место с помощью логики. Правда, в горах логика не работает. Фактор случайности слишком велик.

Из лагеря IV они пошли наверх – сразу к лагерю V. Они планировали разбить его на 7900, но сначала добрались до 8000, а затем вернулись на 7800 и остановились. Оставалось совсем чуть-чуть. Двое шерпов и еще один француз отправились вниз, потому что у французского начала прогрессировать горная болезнь. В экспедиции осталось всего десять участников.

Келли, пуленепробиваемый, крепкий, спокойный и знающий больше остальных.

Матильда, удивительно стойкая, смелая, еще не решившая, к кому она ближе – к своим или к Келли.

Жан, единственный говорящий по-английски француз, руководитель стремительно сокращающейся экспедиции.

Седрик, полуфранцуз-полунемец, мрачный, упрямый, негибаемый.

Шестеро шерпов – трое из французской экспедиции и трое из группы Келли.

И всё.

В феврале 1909 года Мейнард Кейнс познакомил Джорджа Мэллори с Джеймсом Стрейчи. Это была очередная встреча группы Блумсбери, и впоследствии Кейнс писал, что Мэллори и Стрейчи сошлись с первой минуты. Уже к концу вечера один что-то доказывал другому, чуть ли не держа его руки в своих. Сложно сказать, как скоро между ними возникли сексуальные отношения. Факт в том, что, когда Мэллори вернулся в Кембридж после очередного горного вояжа, Джеймс познакомил его со своим братом Литтоном, и тот заинтересовался Мэллори, пытаясь «перетянуть» на себя внимание молодого альпиниста.

В своих дневниках Литтон описывает Мэллори как образец совершенства – тело молодого атлета, лицо как с картины Боттичелли, изящество китайских росписей в каждой черточке. Литтон уверен в том, что Мэллори для Джеймса – не более чем игрушка, а вот он, Стрейчи-старший, способен дать этому красавцу много больше.

Но Мэллори отличался от богемы, с которой постоянно общался в Кембридже. Он был спортсменом высокого класса, и горы его манили значительно больше, чем прелести друзей. Он ходил в горные походы по нескольку раз в году, а его кембриджские друзья не могли пойти вместе с ним. В альпинистском клубе отношения были значительно проще и мужественнее, поэтому гомосексуальность не могла затянуть Мэллори в полной мере – у него была прививка. Каждый раз, когда он возвращался из очередного похода, Брук, Стрейчи и другие пытались переключить внимание Мэллори на себя – но когда им это наконец удавалось, приходило время следующего путешествия. И Мэллори снова возвращался не утонченным эстетом-бисексуалом, а суровым мужчиной, прошедшим нечеловеческие испытания.

Тем не менее именно Мэллори стал инициатором первого сексуального контакта с Джеймсом Стрейчи. Мэллори искренне думал, что это взаимность, и что подобные отношения принесут в его жизнь нечто новое. Но Стрейчи к тому времени уже охладел, и физическая

близость не доставила обоим ожидаемого удовольствия. По свидетельству Стрейчи, это была единственная их с Мэллори попытка.

Мэллори можно понять и здесь. Для него всегда было типичным доведение нового опыта до экстремального уровня. Он не умел и не хотел останавливаться на половине дороги, даже если понимал, что в конце его ждет разочарование или – если речь идет о горах – даже смерть. То, что Стрейчи, по сути, отверг его, уйдя к Руперту Бруку, нанесло Мэллори психологическую травму, отразившуюся на нем куда серьезнее, нежели любые физические повреждения, которые могли нанести горы.

Незадолго до Рождества 1910 года Мэллори, гостивший у друзей во Франции, пишет Стрейчи последнее письмо: «Мой дорогой Джеймс, я решил наконец-то тебе написать. Что ты думаешь о произошедшем? Что я горд? Что я уязвлен? Что я зол? Что я обо всем забыл? Минувло шесть недель с того дня, когда мы попрощались в Хэмпстеде, и с тех пор я не написал тебе ни строчки. Я, который любит тебя! Наверное, ты понимаешь причину моего молчания не хуже меня. Мне действительно совершенно нечего сказать с того самого дня, когда я признался тебе в любви. Нужно ли постоянно повторять эти изнурительные слова о том, что я хочу поцеловать тебя снова? К сожалению, они – это все, на что я способен. И этого слишком много для нас обоих...»

Мэллори просит Джеймса Стрейчи писать ему хотя бы иногда, но отношения между ними так и не налаживаются. Литтон к тому времени тоже находит себе другого возлюбленного. В итоге Мэллори остается один, к тому же подходит к концу срок его обучения в колледже – он едет в Годамминг, где получает работу учителя.

Один из его учеников – уже упомянутый Роберт Грейвс.

Перенесемся в 1933 год. Весной я купил – еще не умея держать штурвал в руках – свой прекрасный самолет, трехлетку de Havilland DH.60G, более известный как Gipsy Moth⁵. К тому времени я уже полгода штудировал книги о Гималаях и тренировал ноги, ежедневно пробегая по пятнадцать миль. Начальные навыки альпинизма я получил в горах Уэльса, которые сегодня стыдно и горами называть. Но тогда мне казалось, что Гималаи – это нечто подобное, только чуть больше. О снеге я вообще не думал.

Я вступил в лондонский аэроклуб и начал брать уроки летного мастерства. Буду честен – я был отвратительным учеником. Я никак не мог приноровиться к самолету, все время путался в приборах, которых было кот наплакал, и лицензию мне выдали исключительно за упорство и небольшой подарок инструктору. Незадолго до основного путешествия я решил навестить родных в Йорке, но не сумел нормально приземлиться, перекувыркнулся через крыло и потерял сознание, повиснув на ремнях. Меня вытащил деревенский парень.

Все это я рассказываю для того, чтобы вы понимали, какой может быть тяга к горам. Пусть я не умел ни летать, ни забираться на скалы, но я хотел – и этого желания было достаточно, чтобы осуществить мою мечту.

Мне не дали разрешения на пролет над территорией Персии и, что самое страшное, Непала. В ответ на мой запрос пришла телеграмма с отказом. Я порвал ее – меня не могла остановить бюрократия. 21 мая 1933 года я вылетел из Британии. Уже на взлете я сделал несколько ошибок, в частности неправильно работал с механизацией крыла, двигаясь по ветру.

Анализируя свои действия, я сам поражаюсь тому, что у меня многое получилось. Кажется, не было ни одной манипуляции, которую я совершил бы безошибочно. Я делал неправильно все – но меня двигало вперед безумное, нечеловеческое везение, которого в соответствии с теорией вероятности быть не может. На моем самолете не было радиосвязи, я не имел доступа к прогнозам погоды и анализу летных условий, я абсолютно ничего не понимал в ори-

⁵ Непарный шелкопряд.

ентировании, да и карты, взятые с собой, оставляли желать лучшего. Спустя два дня после взлета меня официально объявили пропавшим без вести.

Но я просто слишком долго летел в Рим. Пришлось приземляться у какой-то деревушки на юге Франции, потому что я ошибся с направлением и слишком сильно взял к западу. На второй день я все-таки добрался до Рима и телеграфировал на родину, что со мной все нормально. В том полете я впервые понял, как держать самолет ровно, не пялясь ежесекундно на компас. Это же так просто, боже мой, как я не догадывался раньше?!

Через несколько дней я успешно преодолел Средиземное море и приземлился в Бизерте. Там меня уже ждала полиция, поскольку разрешения на посадку в Тунисе у меня не было. Я просидел в Бизерте несколько дней, пока не сумел получить это дурацкое разрешение, а потом полетел в столицу, Тунис, потому что в Бизерте не было заправочного оборудования для моего самолета. Из Туниса я отправился в Каир, предварительно отправив еще один запрос на разрешение пролететь над Персией. Но разрешение снова не дали – пришлось искать обходные пути. Поэтому из Каира я полетел в Багдад, а оттуда – в облет Персии над Персидским заливом. Я ориентировался по странице из детского учебного атласа – да, именно так. Я не шучу. Как ни странно, Лондон меня поддержал и дал разрешение на остановку на острове Бахрейн.

Другое дело, что у меня не было дозволения на дозаправку. Я был вымотан восьмичасовым перелетом над заливом и к британскому консулу на Бахрейне заявился пыльный, потный и злой. Я потребовал срочно предоставить мне топливо для дальнейшего полета. Консул упирался, опускался даже до лжи, что топлива не хватает самим, что он бы продал мне топливо с удовольствием, будь у него такая возможность. Это был длинный спор, который измучил меня не меньше перелета. Я напирал на свои медали и военные заслуги, он – на мнимое отсутствие возможности. В итоге я выиграл. Мне разрешили дозаправиться, чтобы двигаться дальше.

Сейчас тот перелет кажется полным безумием. Я летел в никуда, частенько вовсе без карт, опираясь на ложные данные и советы местных в духе «лети вон к той горе, не ошибешься». Но я долетел.

Следующей моей остановкой должен был стать Гвадар – индийский порт в паре десятков километров от персидской границы. Сейчас, если я не ошибаюсь, он находится в Пакистане. Но карты у меня не было – вообще никакой. Пока консул ходил разбираться с выдачей топлива, я сидел в его кабинете и рассматривал карту на стене. А потом меня осенило. Я скопировал часть карты – примерные очертания побережья, островки для ориентации. Бумагу консул хранил в столе под замком, поэтому я нарисовал карту чернилами на манжете своей рубашки. Этот корявый рисунок должен был стать моей единственной путеводной звездой на сложнейшем восьмисотмильном отрезке маршрута.

Я вылетел следующим утром. В идеале путь должен был занять около девяти часов, но я летел больше двенадцати. Где-то посередине маршрута сломался топливный датчик, поэтому я не знал, сколько мне еще осталось. Мотор мог заглохнуть в любую секунду.

Я приземлился в Гвадаре за десять минут до того, как солнце окончательно скрылось за горизонтом. Аэропортовый механик измерил уровень топлива в баках Gipsy Moth, посмотрел на меня и сказал: вы сливали топливо? Нет, ответил я, просто летел. У вас бак абсолютно пуст. Двигатель заглох бы секунд через тридцать, если бы вы не сели. Значит, мне повезло, ответил я.

Мне действительно повезло.

Предпоследний перелет – через всю Индию, до Пурнии, тоже прошел успешно. Я преодолел около четырех тысяч миль за две недели, удачно приземлившись на аэродроме Лалбалу. Неплохое достижение для пилота, который до того и двести миль не мог пролететь без аварии. Оставалась последняя часть маршрута – к горе.

И тогда у меня конфисковали самолет.

Вернемся к Джорджу Мэллори. В октябре 1910 года к нему в Годалминг приезжает Литтон Стрейчи, который пытался утешиться в объятиях других членов группы «Блумсбери», но не смог забыть своего альпиниста. Мэллори не понимает, зачем он приехал. Он только разбредил раны Мэллори и заставил того снова вспомнить о любви к Джеймсу. Мэллори груб с Литтоном, он срывается, просит того уехать. Литтон пишет Джеймсу: «После всего этого я уже не уверен в том, что люблю его».

Жизнь в Годалминге, в отрыве от богемных друзей, окончательно сделала из Мэллори мужчину. Он не хочет повторять с Литтоном ошибки, которую сделал с Джеймсом, и не позволяет себе влюбиться в старшего брата своего прежнего возлюбленного. На глазах у Литтона он начинает встречаться с девушкой по имени Котти Сандерс, впоследствии прославившейся на литературном поприще под именем Энн Бридж. Литтон уезжает. Тем не менее Мэллори поддерживает с ним переписку – впоследствии они работают над общими научными темами.

В школе Мэллори преподавал историю, математику, латынь и французский. Был ли он хорошим учителем? Иные современники говорят, что нет. Он пытался подружиться со своим классом, научить школьников думать, философствовать, интересоваться миром. Он не пытался снизойти до их более простого провинциального сознания, оперировал понятиями, выученными в Кембридже, и витал в облаках. Поэтому в его классах всегда царил страшный кавардак.

Другие, наоборот, видели в методе Мэллори положительные стороны. Он не заставлял зубрить, но хотел от учеников понимания; он часто говорил о политике, приводя ее в качестве модели, иллюстрирующей различные процессы. Не раз он водил учеников на экскурсии, ездил с ними на природу, изучал архитектурные памятники. Грейвс говорил, что Мэллори был лучшим из всех его учителей.

Потом Мэллори женился на Рут, а потом началась война, выбившая его из колеи на четыре года.

А потом были горы, горы, горы...

Джон Келли показался мне невероятно упрямым. И не менее выносливым. Он мог идти вперед – и шел. Если бы не мог – шел бы с не меньшим упорством.

На 7800 Матильда уже не была столь разговорчива, как раньше. Она знала: теперь главное – дойти. Что и как планирует делать Келли – это второй вопрос. Она снова примкнула к Жану и Седрику, стала общаться с ними больше, нежели с англичанином. Шерпы разговаривали между собой на птичьем наречии.

У одного из шерпов была с собой книга на деванагари. Келли попытался прочесть хотя бы несколько слов, но не смог. Шерпы рассмеялись. Келли думал, что это – хинди. На самом деле шерпский язык хоть и использует азбуку деванагари, но не имеет к хинди практически никакого отношения. Хинди относится к индоевропейской семье, шерпский же – к сино-тибетской, точнее, к ее тибето-бирманской подсемье, к промежуточной подсемье тибето-киннаури, к ветви бодских языков, к тибетской группе, к шерпско-джирелской подгруппе. Да, я все это помню.

Шерпы посмеялись над Келли, а потом начали в шутку учить его своему языку. Они, шерпы, могут смеяться даже на 7900. Потому что это часть их работы. Келли быстро устал. Он запомнил только дни недели, потому что шерпы часто носили созвучные им имена. Пемба, например, – это суббота. Пасан – пятница. Хотя ладно, перечислим все, это нетрудно. Дава, минма, лхакпа, пхурба, пасан, пемба, ньима. Это то, что выучил Келли.

Он ушел спать, когда остальные еще только доедали свой ужин. Матильда посмотрела в его сторону, но ничего не сказала. Ту ночь она провела в палатке Жана и Седрика.

Утром они должны были идти наверх и организовывать штурмовой лагерь. Шерпам вменялось в обязанность помочь группе добраться и донести оборудование, после чего они должны были спуститься в финальный лагерь. На вершину собирались идти только европейцы.

Но Келли подошел к Жану и сказал: я не пойду с вами. Как, удивился Жан, почему не пойдешь? Мы с тремя шерпами не справимся. Я отдам вам еще одного, ответил Келли, а сам обойдусь двумя. Жан нахмурился: это ставило под угрозу весь подъем. Из-за того, что экспедиция резко сократилась, он уже рассчитывал на англичанина. В случае если англичанин уходил куда-то в сторону, да еще и с двумя шерпами, груз пришлось бы перераспределять.

Но Келли был тверд. Я уйду, сказал он. Дава пойдет с вами, а Пемба и Ками – со мной. Если бы не я, вы бы и сюда могли не дойти.

В горах незачем ссориться. Когда на счету каждый джоуль, тратить энергию на склоки смерти подобно. Поэтому Жан отступил. Хорошо, Джон, сказал он. Но тогда ты не должен рассчитывать и на нашу помощь. Я никогда и не рассчитывал, ответил Келли. Жан молчал. Келли добавил: если бы ты подвернул ногу, я бы тебя бросил; если бы я подвернул ногу, ты бы бросил меня. Мы оба это знаем. Таков закон.

Жан повернулся к нему спиной и продолжил сборы.

Келли собрался чуть раньше. Он и двое шерпов сложили свои рюкзаки, упаковали вещи и двинулись в путь.

Стойте, услышал Келли. Это была Матильда. Она уже закончила сборы.

Я с тобой, сказала она по-французски, и Джон Келли понял, что она имеет в виду.

Глава 5. Могила

Перенесемся в 1924 год. Немногим ранее Джордж Мэллори произнес свою самую известную сентенцию, свой единственный афоризм. Вращаясь в обществе друзей, которые говорили крылатыми фразами, изрекая их за едой, на прогулках, в поездках, даже в туалетах, Мэллори никогда не был многословен. Но одной своей фразой он заткнул всех этих Стрейчи, Бруков, Кейнсов, всю интеллектуальную элиту. Их красивые слова были и остаются абстракциями, голословием, измышлениями разума, которому больше нечем заняться, кроме как мыслить.

Почему вы хотите забраться на вершину, спросил у Мэллори журналист.

Потому что она существует, ответил великий альпинист.

Эти слова – «Because it's there» – сегодня называют самыми знаменитыми тремя словами альпинизма. Единственным и важнейшим альпинистским принципом и причиной. Хотя слова там не три, а четыре. Но это не важно.

Журналист, который задал Мэллори этот вопрос, работал в New York Times. Впоследствии его обвиняли в том, что он сам придумал ответ, который приписал англичанину. Журналист отмолчался. Но даже если он и придумал эти слова, они в полной мере отражают характер Мэллори. Скажу даже более. Если фраза «потому что она существует» принадлежит нью-йоркскому шелкоперу, то он гений в своем деле. Такой же, как Мэллори, – в своем.

Но наверх Мэллори шел не один. В его тени остался второй участник экспедиции – юный Эндрю Комин Ирвин по кличке Сэнди. В момент смерти ему было всего двадцать два года. Как вообще этот мальчик оказался в экспедиции, средний возраст участников которой был тридцать пять – тридцать семь лет? Почему именно он пошел с Мэллори наверх, хотя о горе грезили значительно более опытные альпинисты?

Эндрю Комин Ирвин родился в городе Биркенхед, Чешир, и был третьим из шести детей в семье Уильяма Фергюсона Ирвина и Лилиан Дэвис-Колли. Он был очень умен, этот мальчишка. В 1916 году он отправил в штаб армии чертежи собственноручно разработанного пулеметного синхронизатора, отличавшегося от уже существовавших систем Фоккера и Биркигта. Это произвело переполох, потому что мальчик честно написал в сопроводительном письме: мне четырнадцать лет, и я хочу сделать что-нибудь для своей страны. Он любил работать руками. Любая механическая штука, попадавшая к Эндрю, тут же оказывалась разобранной, усовершенствованной и собранной обратно. Он бы стал новым Эдисоном, если бы не гора.

Он был очень силен и ловок, этот молодой человек. В 1919 году он произвел фурор на Хенлейской Королевской регате, вытянув свой экипаж к победе за несколько футов до финиша. И конечно, он поступил в Оксфорд, в Мертон-колледж, чтобы стать инженером. Блестящим инженером, подобным Изамбарду Кингдому Брюнелю, которого считал своим кумиром.

Вернемся в 1829 год. Нет, я не ошибся в столетии. Действительно, я хочу заглянуть в те времена, когда никто и не помышлял о горе.

Чарльз Мэривейл из Кембриджа и Чарльз Уодсворт из Оксфорда поспорили, кто быстрее проплывет по Темзе через городок Хенли-он-Темз. Они собрали команды, и Оксфорд легко выиграл, преодолев заданную дистанцию за четырнадцать минут три секунды. Это была первая из знаменитых регат «Оксфорд – Кембридж», которые ныне устраивают ежегодно при примерно равном счете побед. Кембридж выигрывал восемьдесят один раз, Оксфорд – семьдесят семь. Гонки не проводились во время войн, иногда им мешали иные обстоятельства, но в целом регата стала престижнейшим соревнованием по академической гребле в мире. Ну, по крайней мере, – в Англии.

Когда я покидал страну, было время Кембриджа. Его команда одержала победу в последней предвоенной гонке 1914 года, затем – в первой послевоенной, затем продолжала побеждать вплоть до 1936 года. До этой серии Оксфорд вел на девять побед, после – проигрывал на семь.

Серия прервалась лишь один раз – 24 марта 1923 года, когда Оксфорд вырвал победу у непогрешимых кембриджцев. В составе той команды был Эндрю Комин Ирвин. Они опередили соперников совсем чуть-чуть – на три четверти длины лодки, но победа есть победа.

Все это сухие факты биографии, призванные сформировать образ идеального человека. Ирвин – сильный, умный, красивый – пользовался огромной популярностью у девушек. После того как он пропал без вести, сразу шесть дам заявили о том, что он собирался на них жениться. Возможно, на словах и собирался – Ирвин был горазд на обещания.

Но какое бы блестящее будущее ни ожидало Ирвина, оно так и не наступило. Началом конца стал Оксфордский альпинистский клуб, а человеком, который убил Ирвина, оказался Ноэль Оделл. Оделл, друг и почти ровесник Мэллори, должен был идти в экспедицию двадцать четвертого года в качестве специалиста по дополнительному кислороду. В его обязанности входил контроль емкостей, проверка (и, кстати, разработка) их креплений, инструктаж альпинистов, прежде никогда не работавших с кислородом.

Оделл и Ирвин познакомились в 1919 году. Оделл с супругой поднимались на 977-метровую гору Фозл Грэх в Уэльсе. Они добрались до вершины – и в этот миг раздался рев мотоцикла. Это наверх – без дороги, прямо по камням – ехал молодой и наглый Ирвин. Он усовершенствовал своего двухколесного коня, сделав его «внедорожным», и хотел испытать машину в боевых условиях.

Впоследствии Оделл работал с Ирвином в оксфордской экспедиции на Шпицберген 1923 года и был поражен силой, ловкостью и выносливостью молодого британца. Кроме того, Оделлу нравился характер Ирвина – спокойный, покладистый, надежный и упрямый. Именно такой, какой нужен в горах. Когда команда уже была сформирована, Мэллори писал своему другу Джеффри Янгу: «Ирвин – это наша попытка заполучить в команду хотя бы одного супермена, даже несмотря на то, что недостаток опыта выступает аргументом против его кандидатуры».

Ирвин был прямой противоположностью остальным альпинистам группы. Они были интеллектуалами, цитировали наизусть Чосера и Шекспира, рассуждали о философии Канта и калокагии в античном искусстве, Ирвин же прочел в жизни полторы художественные книги и едва ли помнил их названия. Он не умел писать стихи и петь серенады. Зато он мог голыми руками из мотка проволоки, обрывков рубашки и обломков рюкзачной рамы смастерить планер. Он был блестящим практиком, инженером от Бога, и это стало решающим фактором в его пользу. Свой дар Ирвин проявил в самом начале экспедиции, когда придумал новый способ крепления кислородных баллонов, что позволило равномернее распределить нагрузку на мышцы и связки. Ирвин совершенствовал, чинил и видоизменял все, что видел, – экспедиционные примусы, палатки, фотокамеры. Он все делал с прибауткой, весело и легко, чем заслужил любовь и уважение старших коллег.

Но почему Мэллори выбрал именно Ирвина для последнего, самого важного рывка? Ведь у Ирвина вообще не было опыта – раньше он поднимался лишь на две крошечные горы: один раз на Шпицбергене и один раз в Швейцарии! Почему Мэллори не позвал с собой Оделла, значительно более опытного альпиниста? Чаще всего на этот вопрос отвечают так: Мэллори хотел, чтобы рядом с ним был гениальный механик, который способен починить кислородный аппарат, если тот откажет, и придумать решение любой задачи, требующей математического мышления. Например, как вытащить альпиниста из расщелины. Или как перебраться через пропасть. Из своей последней экспедиции Мэллори писал матери: «Ирвин – отличный парень, все схватывает на лету и будет наилучшим из возможных компаньонов при восхождении. Я

полагаю, „Биркенхедским новостям“ будет что написать, если мы доберемся до вершины вместе».

Я преодолел нечеловеческую дистанцию. Четыре тысячи триста пятьдесят миль за семнадцать дней – без карт, без официальных разрешений, с минимумом топлива и практически полным отсутствием летных навыков. Меня арестовал не консул, не летный инспектор, а простой констебль – Британия не оставляет своих подданных в покое. Меня ждали на аэродроме и объявили об аресте, как только я выбрался из самолета.

Я не сдался. Я нанял машину и проехал сто восемьдесят шесть миль в сторону непальской границы, откуда попытался связаться непосредственно с Трибхуваном, королем Непала. Я был уверен, что добьюсь этого. Я два с лишним часа уговаривал местных бюрократов выдать мне разрешение на пересечение границы, на полет над территорией Непала, звонил и просил соединить меня с королем – впустую. Я видел непонимающие глаза.

Я вернулся в Лалбалу и там за сущие гроши продал самолет – от него все равно уже не было никакого толку. Я поехал в Дарджилинг, где прожил всю зиму, – это позволило мне немного акклиматизироваться. Там я и познакомился с шерпами – случайно, в местном кабаке, не знаю, как правильно называются такие заведения. Когда я узнал, что за год до меня они поднимались наверх с Ратледжем, я сразу заплатил им аванс как проводникам и носильщикам. Будь я поопытнее, то нашел бы Карма Пола, организатора альпинистских партий и «поставщика» шерпов, незаменимого участника британских экспедиций, – но тогда я ничего о нем не знал.

Границу мы пересекли тайно, переодевшись в буддийских монахов. Весь переход занял десять дней, Теванг хорошо знал дорогу. В пути произошло одно комическое происшествие. Утром после одной из ночевки я выбрался из палатки и увидел местного старика. Он был уверен, что около деревни в палатке тайно ночует путешествующий инкогнито Далай-лама. Я сильно его разочаровал.

А потом мы добрались до Ронгбука.

Попытаемся проанализировать положение мертвого Джорджа Мэллори на горе. Сперва кажется, что, как и Цеванг Палжор, погибший семьюдесятью годами позже, Мэллори обут в зеленые ботинки. Но это заблуждение – зеленоватый оттенок коже придало время и суровые погодные условия. На самом деле ботинки коричневого цвета. На подошвах – самопальные металлические трикони. Никаких множественных слоев, как в современной гималайской обуви, никаких вам Scarpa Phantom 8000 или La Sportiva Olympus Mons Evo. Просто тяжелые утепленные ботинки со скобами на жесткой подошве. Под ботинками – три слоя шерстяных носков.

Перчатки практически истлели, но можно догадаться, как они выглядели: кожаные, на меховой подкладке. Поверх – шерстяные перчатки без пальцев. Кожа на руках, полупогруженных в гравий, желтая, обтягивающая кости. Рукава куртки сохранились, потому что руки полусасыпаны. Куртка и нижняя одежда сорваны, хорошо видна отбеленная ветрами спина. При этом понятно, что на Мэллори – всего пять слоев одежды, не более. Шерстяное нижнее белье, нижняя шелковая рубашка с этикеткой Junior Army & Navy Stores, фланелевая рубашка в синюю и белую полоску, коричневый шерстяной свитер и хлопковая ветрозащитная куртка зеленой армейской расцветки. Никто из современных альпинистов не дошел бы в подобной амуниции даже до семи тысяч.

Штаны практически целиком истлели и содраны ветром и непогодой. Они охватывают тело только вокруг пояса и под коленями. Кожа ниже ягодиц белая, на голених она желтеет. На ягодицах и верхней части ног – серьезные повреждения кожного покрова, можно сказать, дыры, хорошо видны кости. Голени немного «проедены», в разрывах кожи также заметны внут-

ренные ткани и кости, и одна из костей правой ноги сломана. Ботинок с левой ноги отсутствует. Судя по всему, перед смертью Мэллори положил правую ногу на левую – в такой позе сломанная кость «сходилась», несколько облегчая боль. Скорее всего, Мэллори сорвался, будучи значительно выше, сломал от удара ногу, а затем съехал по горе, цепляясь руками, сорвав кожу с пальцев.

Голова почти не видна – она уходит в гравий. Мэллори лежит лицом вниз, его руки и лицо вмерзли в смесь льда и камней. Перевернуть его невозможно. Члены экспедиции, нашедшей тело, опознали его по бирке на воротнике куртки. В кармане они обнаружили очки Мэллори.

Потом альпинисты обложили тело камнями и ушли.

Что на самом деле увидели Ричардс, Анкер, Хан и остальные на 8155 метрах? Они увидели мертвого человека в куртке Мэллори. Человека в экипировке двадцатых годов двадцатого века. Очень сильного, стройного человека – его мускулатура сохранилась даже спустя столько лет после смерти. Но был ли это Мэллори? Действительно ли он погиб на спуске? Ответов на эти вопросы не было и нет до сих пор.

В официальном сообщении Симонсон, руководитель поисковой группы 1999 года, безапелляционно заявляет: мы нашли тело Мэллори и осмотрели все окрестности. Других тел не найдено. Мэллори надежно идентифицирован, группа провела погребальную церемонию и похоронила великого альпиниста в камнях.

Но что значит слово «надежно»? Можно ли считать доказательством нашитый на куртке ярлык? Могли ли Мэллори и Ирвин по какой-то причине поменяться куртками? И если тело Мэллори нашли на высоте 8155 метров, то где же Ирвин? Выше? Может, он сорвался в расщелину? Веревка, обвивающая тело Мэллори, перетерта, порвана. Что это значит? Никто не перерезал веревку – ни Ирвин, чтобы отпустить друга, ни Мэллори, чтобы малодушно спасти свою шкуру. Их разделила гора.

Симонсон знал, где искать, по двум причинам. В 1933 году Перси Вин-Харрис, участник четвертой британской экспедиции, нашел на высоте 8460 метров, примерно в 230 метрах от Первой ступени⁶, ледоруб Ирвина. Почему именно Ирвина? Дело в том, что все свое оборудование Сэнди помечал тремя параллельными линиями-зарубками, оставляя нечто вроде автографа. Этот вывод исследователи сделали спустя почти сорок лет после трагедии, в 1963 году, изучая личные вещи Ирвина. Оставалась одна загадка – крестообразная зарубка, явно сделанная другим инструментом и в другое время. Но эту загадку разрешил сам Вин-Харрис. Он попросил одного из шерпов, Кусанга Паглу, пометить ледоруб, чтобы не перепутать его с другим оборудованием экспедиции. Пагла вырезал на рукояти крест. Горное снаряжение обычно индивидуализировано, и вряд ли Мэллори поменялся ледорубами со своим напарником. Исходя из местоположения ледоруба, можно было высчитать, как спускались альпинисты (точнее, один из них).

Вторая наводка оказалась более значимой. Член китайской экспедиции 1975 года Ванг Хонг-бао через четыре года участвовал в совместном с японцами восхождении. Он упоминал, что на маршруте китайская группа наткнулась на очень старый труп, причем явно англичанина. Он описал его местоположение так: «Высоко на Северном склоне, в нескольких минутах ходьбы от лагеря». Больше он ничего не сказал – а на следующий день его смело лавиной. В той лавине 12 октября 1979 года погибли трое участников экспедиции – все китайцы.

К слову, их смерть осталась в тени трагедии, случившейся десятью днями ранее, когда погибли американец Рей Дженет и немка Ханнелора Шматц. Она стала первой женщиной,

⁶ *Три ступени* – три скальных ступенчатых уступа на Северо-Восточном гребне, расположенные на высотах 8564 метра (Первая ступень), 8610 метров (Вторая ступень) и 8710 метров (Третья ступень). Наиболее сложной считается Вторая ступень. Все альпинисты, поднимающиеся на гору с Северной стороны, должны преодолеть Три ступени.

нашедшей свою смерть на горе. Казалось бы – их двое, а китайцев трое. Но китайцев просто смело лавиной – это была мгновенная и относительно безболезненная смерть. Дженет и Шматц умирали долго и страшно – от гипотермии, сидя в палатке и будучи не в силах из нее выбраться. Через некоторое время палатку сдуло ветром, снесло и тело Рея Дженета, останки же Ханнелоры Шматц в течение еще шести лет можно было рассмотреть с маршрута. Она полусидела с открытыми глазами, а ее волосы развевались на ветру. Потом ветер отполировал ее череп, и труп стал бесполом. В 1984-м два альпиниста погибли во время попытки эвакуировать тело, а годом позже англичанин Крис Бонингтон столкнул его вниз, дальше от тропы. Еще позже труп сдуло ветром в ту же расщелину, куда некогда затянуло Рэя Дженета.

Но это было отступление от темы. Главное, что Симонсон и другие участники поисковой группы знали, что тело находится неподалеку от китайского лагеря 1975 года, местоположение которого было известно точно. Это сильно сужало область поисков.

Конрад Анкер, первым нашедший тело Мэллори, ходил зигзагами. Первого мая 1999 года группа покинула лагерь V на высоте 7830 метров, достигла лагеря VI и разделилась, чтобы расширить территорию поисков. Анкер пошел на запад и почти сразу наткнулся на мертвеца в современном снаряжении – тот лежал неподалеку от остатков китайского лагеря. Затем он начал спускаться по пологому склону и на одной из скальных полок увидел другого мертвеца – тоже погибшего недавно. Дойдя до нижней точки западного ребра, Анкер отправился назад – по другой стороне. Он шел зигзагами и, выбравшись на достаточно высокую точку, осмотрелся. На западе что-то белело – и это был не снег. По снаряжению и состоянию мумии было ясно, что тело пролежало тут несколько десятков лет – и Анкер вызвал по рации остальных.

Другие члены экспедиции тоже не дремали. За тот день, обходя зигзагами зону поисков, они нашли несколько десятков мертвецов – почти все погибли относительно недавно, после 1980-го. Остальным участникам экспедиции казалось, что Энди Политц и Конрад Анкер отправились в неверных направлениях, причем Анкер ушел слишком далеко – за него уже начали волноваться.

В том, что найденное Анкером тело лежит с 1924 года, сомнений не было. Одежда и ботинки не могли быть более поздними. Участники экспедиции были уверены: это – Ирвин, и никто иной. Они знали, где нашли ледоруб Ирвина. Если бы тот спускался, то на девяносто пять процентов шел этой самой дорогой. Поэтому, когда кто-то из экспедиции отвернул воротник куртки и увидел метку G. Leigh Mallory, он воскликнул: «Oh my God!» И еще раз, и еще. Потому что трудно было поверить в то, что экспедиция нашла величайшего альпиниста двадцатого столетия. Человека, который три четверти века пролежал здесь, на безумной и безымянной высоте, вмороженный в камень. О Боже, восклицали они, о Боже!

Потом они нашли ряд дополнительных доказательств. Еще несколько нашивок с фамилией Мэллори на свитере и подкладке штанов, разбитый альтиметр, очки, наручные часы (с разбитым стеклом, без стрелок), почти полный коробок спичек Swan Vestas, жестяную коробку с бульонными кубиками, маникюрные ножнички в кожаном чехольчике, карманный нож в ножнах, смятый тюбик с какой-то мазью, карандаш, бумажку со списком необходимого оборудования, шейный платок, один хорошо сохранившийся ботинок и фрагмент второго. Кислородных баллонов не было – видимо, Мэллори использовал весь запас и выбросил тяжелое снаряжение. К слову, один из баллонов – трудно сказать, кому он принадлежал, – обнаружили в мае 1991 года на высоте 8480 метров – выше и ближе к Первой ступени, чем ледоруб.

И еще у Мэллори нашли три письма, которые альпинист хранил у сердца. В этом месте одежда не примерзла к камням, и удалось засунуть руку в нагрудный карман. На всех письмах была фамилия Мэллори в обрамлении почтовых марок.

Первое письмо было от его сестры Виктории. Второе – от его брата Траффорда, будущего главного маршала авиации Великобритании.

И третье письмо – от Рут. Оно не подписано, но почерк – явно женский, и автор письма обращается к Джорджу Мэллори с искренней дружбой и любовью, без сексуального подтекста, но в некотором роде чрезмерно откровенно, нежно. Члены поисковой группы не сомневались, что такое письмо могла написать только Рут Тернер, женщина, чью фотографию Мэллори обещал оставить на вершине в случае успешного восхождения.

Но когда они спустились вниз, и письмо было отправлено на анализ, оказалось, что Рут не имела к этим строкам никакого отношения. У нее был другой почерк.

В последние минуты своей жизни Джордж Мэллори прижимал к сердцу письмо неизвестной женщины.

Эту женщину звали Стелла Габриэлла Кобден-Сандерсон. Она родилась в 1886 году в семье знаменитого барристера, переплетчика и художника Томаса Джеймса Сандерсона, одного из основателей и идеологов «Движения искусств и ремесел», и Анны Кобден, британской социалистки и политической активистки. После замужества родители Стеллы взяли двойные фамилии. Сандерсон был очень эксцентричным человеком. Закрыв в 1916 году свою лондонскую типографию, он выбросил в Темзу все оборудование, в том числе уникальные литеры специально для него разработанного шрифта, восстановить который удалось лишь спустя много лет, уже в компьютерную эпоху. Дед Стеллы по материнской линии, Ричард Кобден, был членом палаты общин и лидером движения фритредеров, боровшихся за невмешательство государства в частное предпринимательство. Анна Кобден сражалась за права женщин, права детей, права, права, права – всю свою жизнь.

Какая девочка могла вырасти в подобной семье? Сильная, волевая, умная и интересная, суфражистка по убеждениям и железная леди по характеру. В Стелле не было ни капли присущей Рут Тернер нежности, Стелла была прямой противоположностью супруги Мэллори и, возможно, той женщиной, которую он искал, но не успел найти.

Они познакомились всего за год до смерти альпиниста, во время его визита в США в 1923 году, как раз когда он произнес свой знаменитый афоризм. В том году брак Джорджа и Рут начал постепенно давать трещину. Их детям было восемь лет, шесть лет и три года соответственно. В семье часто скандалили, но ни один из биографов Мэллори даже не заикается о том, что тот мог уйти из семьи. Скорее всего, они с Рут перевалили бы через этот кризис и продолжали бы жить дальше в мире и согласии. В какой-то мере роковая экспедиция Мэллори стала его реакцией на семейный раскол.

О дружеской переписке между Джорджем Мэллори и Стеллой Кобден-Сандерсон было известно. После смерти альпиниста все письма забрал себе Траффорд Мэллори – и унес их содержание в могилу. Он погиб в авиакатастрофе близ Гренобля 14 ноября 1944-го в возрасте пятидесяти двух лет.

Более загадочно исчезновение всех датированных 1924 годом писем от Рут Тернер к мужу. Письма Джорджа к Рут, которые он писал в начале года из Азии, а затем в каждом лагере на пути к вершине, сохранились, обратные – нет. Их местонахождение до сих пор остается тайной. Тем не менее Рут, несомненно, писала мужу – этому есть устные подтверждения Фрэнсис Клэр, старшей дочери альпиниста. Что такого содержали эти письма, что владелец предпочел их спрятать или уничтожить? Траффорд ли это был или кто-то иной? Еще одна загадка.

До наших дней дошли переплетные и художественные работы Стеллы – она унаследовала способности и интересы отца. Но эти работы никак не связаны с Джорджем Мэллори. Ничего, кроме письма, которое мертвец прижимал к сердцу, не связывает этих двоих.

Вернемся к Джону Келли. Он шел вверх уверенно, точно зная маршрут, иногда сверяясь с пометками, в суть которых он Матильду не посвящал. Идти было непросто, высота чувствовалась сильно, они уже перевалили за 8000 метров. Французы уже, вероятно, разбивали

штурмовой лагерь, а Келли все шел в сторону от вершины, не пытаясь подняться выше, чем 8200. Он не собирался брать гору.

Матильда спросила у него: ты точно знаешь, что ищешь? И откуда у тебя информация? Целая поисковая экспедиция пришла сюда, чтобы найти Ирвина, и не нашла. Зато они нашли Мэллори, ответил Келли. И что? Они потратили море времени, тело нашли случайно, а второе вообще может оказаться совершенно в другом месте, может, оно на триста метров выше, ты думал об этом? Нет, ответил Келли, я знаю, где тело.

Погода стояла превосходная. Ветра почти – по меркам высокогорья – не было. Светило яркое солнце. Снег лежал участками, под ногами пересыпались мелкие камни. Кислорода хватало, усталость была, но легкая, естественная. Идеальные условия для поисков.

Они шли медленно, потому что Келли не хотел сбиться с дороги. Потом они разделились. Он что-то нашептал своим шерпам, и один пошел направо, второй – налево. Матильда молчала. Она ждала, что Келли приведет ее куда-то. Между ними был невидимый поводок.

Потом у Келли затрещала рация, и раздался голос шерпа. Келли повернулся к Матильде и сказал: есть. Нашли.

На склоне лежали тяжелые плоские камни, образуя бугор в форме человеческого тела. Могила была свободна от снежного покрова. Никаких надписей рядом не было – просто камни, обозначающие, что здесь лежит человек.

Матильда вспомнила этот вид. Он сильно изменился, но сомнений не было – это было то самое место, которое фигурировало в популярном фильме National Geographic.

Это же могила Мэллори, сказала она. Зачем мы пришли сюда?

Келли обернулся. Нет, покачал он головой. Здесь лежит не Джордж Мэллори. Здесь лежит Сэнди Ирвин.

Но ведь у него были письма Мэллори, и ярлыки на одежде, и личные вещи! – удивилась Матильда.

Да, кивнул Келли. Это я объясню тебе чуть позже.

Часть 2. Эндрю Комин Ирвин

Введение

Десятки исследователей посвятят часы, дни, месяцы изучению моей жизни, такой короткой и такой прекрасной. Я не могу передать вам и десятой части того, что чувствую, что вижу и слышу, потому что у меня не хватает слов и, что значительно серьезнее, катастрофически не хватает времени. У меня есть лишь блокнот и карандаш, но я боюсь не успеть заполнить даже эти считанные странички, потому что вынужден находиться в полной неподвижности, а температура падает, поскольку приближается темнота. Поэтому я буду писать, сколько смогу, а когда карандаш выпадет из моих ослабевших пальцев, стану просто говорить, а потом – думать про себя, покуда, как говорят священники, смерть не разлучит меня с этим миром. И хотя я не был наверху, хотя я так и не увидел самое близкое солнце из всех возможных на этой планете, я счастлив, потому что Джордж жив, он отправился наверх и, возможно, в эту самую минуту уже спускается обратно, чтобы рассказать всем: для человека нет никаких преград.

Никто не найдет моих записей, никто, скорее всего, не наткнется случайно на мое вмерзшее в гору тело, потому что я очень далеко от более или менее проходимых мест. Не знаю, сколько мне пришлось падать; если рассчитать угол, под которым лежат тени, и добавить к этому прошедшее с момента падения время, то, скорее всего, я пролетел порядка тысячи футов и нахожусь сейчас значительно ниже нашего последнего лагеря. С одной стороны, это неплохо, поскольку в этой области можно продержаться без кислорода практически неограниченное время. С другой стороны, Джордж никогда не найдет меня здесь. Стоит ли кричать? Видимо, не стоит. Этим я могу разбудить гору, приблизив свою кончину.

Я думаю, что первый вопрос, который зададут себе биографы Джорджа, прозвучит так: почему он выбрал Ирвина? Почему меня – неопытного, но могучего увальня, добродушного инженера с золотыми руками, никогда не поднимавшегося выше чем на 3000 футов? Независимо от того, вернется Джордж или навсегда останется на вершине, ответа на этот вопрос они не получат, потому что он останется между нами – мной и Джорджем. Есть вопросы, которые не касаются никого, вопросы настолько интимные, что чужое вмешательство в них нарушит хрупкое равновесие их тончайших тканей, и ответы прозвучат как оскорбление, богохульство, удар огромным железным быком по воротам штурмуемой крепости. Джордж не впустил в это пространство никого – даже свою супругу, которую он, я знаю, любил больше жизни. Впрочем, в нашем замкнутом пространстве мы все-таки были не одни – и остаемся не одни. С нами – гора.

Путь

Мой отец, Уильям Фергюсон Ирвин, родился в 1869-м в Биркенхеде, графство Чешир, Англия. Там же спустя тридцать три года родился я, потому что отец вел исключительно оседлый образ жизни и категорически не любил пересекать границу собственного крошечного ареала. В этот ареал входил сам Биркенхед и еще несколько окрестных городов. Впрочем, эта ограниченность не делала нашу семью изгоями или дикарями. Биркенхед находится примерно в десяти минутах неспешной ходьбы от Ливерпуля, будучи его предместьем, расположенным на противоположном берегу реки Мерси. Таким образом, отец, по сути, жил в большом городе, пользовался его благами и принимал его нравы, при этом притворяясь, что он – сельский житель.

На моей матери, Лилиан Дэвис Колли, он женился за пять лет до моего рождения, в 1897 году, причем бракосочетание состоялось – по настоянию родителей матери – в Солфорде, пригороде Манчестера, в тридцати четырех милях от нашего дома. Когда я, будучи ребенком, узнал об этом, мне показалось, что это какое-то гигантское, нечеловеческое расстояние, которое рядовой обыватель покрыть не в силах, и отец совершил подвиг, добравшись до Манчестера из Ливерпуля. По крайней мере так я понял из отцовских рассказов. Гораздо позже, уже объездив множество мест и открыв всю необъятность реального мира, я пытался понять, почему же отец сознательно ограничивал себя в познании нового. Сейчас, только сейчас, сидя на узком уступе между небом и землей, в самом сердце ледяной пустыни, я начал понимать причину такого поведения. Она очень проста: он не хотел. Он просто был другим, нежели я, и он – за что я безумно ему благодарен – никогда не пытался навязать мне своего мировоззрения, смиренно дожидаясь, когда я сформирую собственное. Что ж, я сформировал – сейчас. С другой стороны, если бы он не был столь лоялен, я вряд ли бы познакомился с Ноэлем и тем более с Джорджем. Я не отправился бы на Шпицберген, а затем – сюда. И, возможно, сидел бы сейчас у камина, говоря слова любви какой-нибудь прелестной девушке, которую привела в дом мать. Она всегда хотела меня женить.

У отца была другая сторона – он очень любил говорить. Он мог часами рассказывать о том, что видел, и – чаще – о том, чего не видел. Он мастерски связывал слова в предложения и говорил так споро, так складно и изящно, что все вокруг заслушивались. Он передал эту способность почти всем моим братьям и сестрам, кроме, разве что, Кеннета – но не мне. Я выделялся из семьи, точно белая ворона, я был другим, я был сильнее, ловчее, целенаправленнее, но при этом я никогда не производил впечатления интеллектуала, будучи не в силах связать в нормальное предложение даже десяток слов. Когда я оставался наедине с собой, то мог творить с языком чудеса, составлять сложносочиненные фразы, сравнимые по изяществу с Диккенсом или Байроном, – но стоило мне обрести собеседника, как нечто во мне замыкалось, и я превращался в бессловесного улыбчивого барана, известного своими стальными мускулами и почти полным отсутствием интеллекта. По крайней мере так было до знакомства с Джорджем.

Я был третьим из шести детей. В принципе я не ощущал серьезной пропасти в менталитете между моими старшими братом и сестрой, Хью и Эвелин, и мной. Они были старше на четыре и два года соответственно, совсем немного, что позволяло нам играть вместе, находить общие темы для разговоров, хотя говорил преимущественно Хью, самый эрудированный из нас – в первую очередь ввиду старшинства. После меня у родителей появилось еще трое – Кеннет, Александр и Томас. Меньше всего я общался с Томасом, поскольку в 1916-м, когда он был еще совсем маленьким, уехал учиться в школу в Шрусбери, Шропшир. Почему отец выслал меня из родного Биркенхеда? Почему не оставил учиться там или хотя бы в Ливерпуле? Наверное, он хотел, чтобы я научился быть самостоятельным и общаться с людьми. Будучи неразговорчивым, замкнутым мальчиком, большую часть времени я проводил за своими чер-

тежами и расчетами; в то время как моих братьев и сестру захватывали всевозможные игры и развлечения, я целиком и полностью продал душу механике.

Меня завораживали цепные и ременные передачи, зубчатые колеса, редукторы и трансмиссии, я обожал всевозможное оружие и горел желанием помочь своей стране в борьбе с иноземным агрессором. В школе мне было легко. Литература, язык и прочие гуманитарные науки давались с трудом, зато математические задачки я щелкал как орехи, и это не ускользнуло от взгляда нашего всезнающего завуча мистера Сэмпла. Он поощрял мое увлечение механикой и неоднократно подсказывал мне решения, к которым я сам прийти не мог в силу молодости и недостаточного опыта.

В начале 1916 года Хью призвали в армию. Он хотел быть пилотом, но в авиацию его не взяли, и он пошел в пехоту. Приезжая на побывку домой, он с жаром, со страстью рассказывал о том, как непобедимая английская авиация смешивала мерзких немцев с землей, как доблестные пилоты спасали рядовых, попавших на контролируемую врагом территорию, как... В общем, он говорил только о самолетах, хотя видел немало интересного на земле.

Из слов брата я сделал совсем иные выводы, нежели можно было ожидать. В первую очередь я понял, что проблем у британской армии значительно больше, чем успехов, и я, Сэнди Ирвин, могу некоторую часть этих проблем решить. Одной из них была синхронизация стрельбы. До 1915 года самолеты не имели пулеметов, смотрящих по ходу движения, – стрелок сидел спиной к пилоту и стрелял назад. Затем французский пилот Ролан Гаррос придумал механизм для отбивания пуль – по сути, он разработал бронированный пропеллер, который позволял установить пулемет, стреляющий вперед. Таким образом Гаррос сбил как минимум три немецких самолета, доказав эффективность своей системы. Это было, кстати, не так и просто, поскольку требовалось рассчитать траекторию отскока пуль, не преодолевших преграду, чтобы они рикошетом не попали в самого пилота. Потом Гарроса сбила наземная артиллерия, и немцы, изучая его самолет, пришли в некоторое недоумение: они впервые видели машину с впередсмотрящим пулеметом и без отдельного места для стрелка. Для изучения системы был приглашен блестящий голландский конструктор Антон Фоккер.

Разработка Гарроса натолкнула Фоккера на идею синхронизации вращения пропеллера и стрельбы. В том же году Фоккер реализовал эту идею, запатентовав первый в истории синхронизатор. Но если его конструкция, постоянно совершенствовавшаяся, сразу появилась почти на всех немецких самолетах, то страны Антанты еще долго не могли разобраться с синхронизатором. Разрабатывались разные конструкции – то «слизанные» с патента Фоккера, то созданные самостоятельно, половина самолетов по-прежнему выпускалась со смотрящим назад пулеметом. В общем, никакого порядка не было. Зная все это – конечно, не столь подробно, как теперь, – я сразу понял, что нужно армии. Армии был нужен нормальный, хорошо работающий авиационный синхронизатор, за разработку которого я и взялся в середине 1916 года.

Параллельно я увлекался гироскопическими системами стабилизации. Еще в 1914-м я ужасно обиделся на отца, когда он не повез меня в Лондон посмотреть на разрекламированный газетчиками удивительный гирокар русского графа Шиловского. Я жадно читал все, что было связано с гироскопами, следил за разработками Луиса Бреннана и его соратников и мечтал о прекрасном будущем, в котором гироскопические поезда будут бороздить просторы бесконечных, заполненных небоскребами многоуровневых городов. Экспериментируя с гироскопами в своей комнате, я подумал, что их можно использовать не только для стабилизации на железной дороге или на море (подобную систему предлагал упомянутый Шиловский), но и в воздухе!

Результатом моих расчетов и размышлений стало письмо, направленное в Генеральный штаб Британской армии. В пакете были тщательно продуманные чертежи и описания двух независимых конструкций, которые я создал с нуля, пользуясь исключительно своим воображением и техническими познаниями. Первое изобретение представляло собой оригинальную конструкцию синхронизатора, второе – гироскопическую систему стабилизации самолета.

Насколько я знаю, до меня последнюю не предлагал ни один инженер в мире. Я не думал о patente – мною руководило в первую очередь желание помочь своей стране. Раз уж я был слишком мал для армии, приходилось помогать другими способами.

Как ни странно, мое письмо попало в правильные руки и произвело в штабе серьезный переполох. Мне позвонили и вызвали на беседу. Отец был в ужасе, но – я знаю – втайне он гордился сыном. Он лично отвез меня в ставку штаба в Лондоне – для него это был подвиг сродни подъему на Монблан. Мои чертежи, как оказалось, легли на стол самому лорду Эдварду Стэнли, семнадцатому графу Дерби, на тот момент военному секретарю Соединенного Королевства. Стэнли, не очень хорошо разбираясь в технике, пригласил в качестве эксперта не кого-нибудь, а сэра Хайрама Максима, великого мрачного старика, убившего своими изобретениями больше народу, чем кайзер Вильгельм захватническими приказами. Максим скептически отнесся к моим разработкам, но сказал фразу, подхваченную другими инженерами, изучавшими чертежи, и неимоверно мне польстившую. «Это, конечно, игрушки, – сказал изобретатель, – но у мальчика большой потенциал. Проследите, чтобы он не бросал этим заниматься, и Англия получит не менее талантливого инженера, чем некогда был я». В итоге мои чертежи мне были возвращены, несколько высокопоставленных представителей генерального штаба во главе с лордом Стэнли пожали мою юношескую руку и руку моего отца, а затем мы отправились обратно. Хайрам Максим скончался несколькими месяцами позже, но его слова я и сегодня повторяю про себя. Другое дело, что Англия уже не получит талантливого инженера в моем лице. Но об этом – позже.

В июле 1917 года произошла трагедия. Германская армия впервые применила против живой силы противника горчичный газ, ныне также называемый ипритом, и Хью был в одном из подразделений, попавших под ту, первую атаку. Они не сразу поняли, чем их обстреливают, – думали, что обычными минами, но то было гораздо более страшное оружие, и Хью вернулся домой обожженный, изувеченный, с неподвижной левой рукой и испещренной разноцветными шрамами, облезающей лоскутами кожей. Он по-прежнему мечтал стать пилотом, хотя прекрасно знал, что вообще не годен к дальнейшей службе, не говоря уже о том, чтобы подняться в небо на хрупкой деревянной машине.

Я навещил брата, но затем вернулся в Шрусбери, поскольку был одним из ведущих членов школьной команды по академической гребле и не мог пропускать тренировки и соревнования. Гребля стала моим спортивным увлечением на всю жизнь, хотя можно ли применить это выражение к столь короткому существованию, я не знаю. В Шрусбери я стал лидером основного состава «восьмерки».

Первым крупным соревнованием, в котором я принимал участие как спортсмен, стала Королевская регата Хенли 1919 года, ежегодно проводившаяся в городе Хенли-он-Темз, Оксфордшир. Ее организатором выступала старейшая британская гребная ассоциация – Линдер-Клуб, и на его заседании в том году было решено, что реанимировать регату после военного перерыва было бы преждевременно, неуважительно к жертвам боев и многочисленным раненым, заполнявшим госпитали. Тем не менее многие школы и другие учебные заведения выказали желание принять участие в регате, и не проводить ее было бы не меньшей ошибкой. В результате представители Линдер-клуба нашли решение. Полное возрождение традиционной Королевской регаты Хенли было намечено на 1920 год, а регату 1919-го – первую послевоенную – нарекли Регатой Мира. При этом регата была сокращена, и многие традиционные для нее соревнования не проводились. Школа Шрусбери планировала принять участие в традиционном заплыве «восьмерок» Ladies' Challenge Plate, который в том году вошел в программу под названием «кубок Эльзенхема». К участию допускались команды школ и университетов, что сильно усложняло нашу задачу. Студенты были старше и сильнее школьников, и до того все победы в заплыве доставались представителям высших учебных заведений или профессиональных гребных клубов.

Открывал кубок сэра Уолтер Джилби, баронет. Нашим основным соперником, как ни странно, оказалась команда школы Бедфорд – но мы с честью выдержали испытание, и я – не побоюсь похвастаться, – именно я привел нашу лодку к победе. Потому что я был и остаюсь хорошим гребцом, одним из лучших в Англии, хотя мне вряд ли когда-либо еще понадобится это умение. Победа в кубке Эльзенхема 1919 года стала первой победой для Шрусбери в Королевской регате Хенли, и я надеюсь, что не последней – и регата, и школа существуют и будут существовать еще долгие годы.

Мы принимали участие в регате и в последующие годы, и я, пока учился в школе, был лидером команды. Тем не менее гонки 1920-го и 1921-го мы проиграли – для меня это было, не стану скрывать, серьезным разочарованием. Я до сих пор иногда жалею, что не мог тогда «развосьмериться» и занять все места в лодке, кроме разве что места рулевого. При таком раскладе мы наверняка добились бы как минимум еще одной победы.

Потом я поступил в Оксфорд, сначала попытав счастья в колледже Марии Магдалины. Я решил изучать химию – именно она в последний школьный год захватила меня сильнее прочих наук. Я до сих пор не могу сказать, почему выбрал именно колледж Магдалины. Видимо, из-за его безупречно прекрасной готической башни, возведенной Уильямом Орчардом в конце XV – начале XVI века в качестве первого здания только-только основанного учебного заведения. Меня не приняли из-за неуспеваемости по гуманитарным наукам. У меня была вторая попытка – и ее я использовал успешно, став студентом Мертон-колледжа, еще более старого и заслуженного, – кажется, он был основан в XIII веке архиепископом Рочестерским.

В колледже мне пришлось довольно трудно. Большая часть теоретических наук, преподаваемых там, была мне совершенно неинтересна и, более того, непонятна. Философские рассуждения влетали мне в одно ухо и вылетали из другого. Кроме того, включилась моя детская необщительность, приведшая к тому, что мои однокурсники посмеивались надо мной, называя тугодумом и дуболомом. Действительно, на экзаменах по гуманитарным, а порой и по техническим предметам я что-то мычал, отвечал короткими, безграмотными фразами, терялся. Зато руками я мог сделать все, что угодно, – по наитию, интуитивно. Я мог собрать стрелковое оружие из куска трубы и нескольких проволочек, мог сконструировать прибор для любого химического опыта, да и сам опыт провести блестяще. При этом я далеко не всегда мог написать формулы реагентов. Просто я знал, сколько и какого вещества нужно, чтобы добиться требуемого эффекта.

Зато в Оксфорде снова проявился мой спортивный талант. В 1923 году я наконец стал лидером Оксфордской команды по академической гребле, и мы вырвали у Кембриджа победу – первую за десять лет. Правда, звучит это несколько громче, чем было на самом деле. Во-первых, во время войны соревнования не проводились, а во-вторых, до того мы одержали пять побед подряд (я говорю «мы» несмотря на то, что в то время был еще ребенком и отношения к тем победам не имел).

Местная газета опубликовала письмо некой восторженной зрительницы, в котором были, в частности, следующие слова: «Они были почти как боги! Мы просто встали и смотрели на них с обожанием...» С одной стороны, мне были приятны эти слова – адресованные мне в той же мере, в какой и моим соратникам по Оксфорду. С другой же стороны, я ощущал их преимущество надо мной – как возрастное, так и в смысле жизненного опыта. Большая часть гребцов была старше меня на пять-шесть лет, при этом они учились со мной на одном курсе. Вы, конечно, догадались о причине подобной разницы в возрасте – это была война. Они вернулись с Западного фронта, умытые кровью и пеплом, видевшие смерть и победу, я же в это время отсиживался в тылу. Поэтому я чувствовал, что восхищение болельщицы в первую очередь адресовано им и лишь во вторую – мне, хотя в плане гребли мне не было равных.

Это была моя последняя регата. В гонке текущего года я участия не принимал, потому что был занят подготовкой к экспедиции. Горы стали для меня важнее, чем вода, – мог ли я

представить подобное еще два года назад? Нет, не мог. Впрочем, я не мог даже представить себе, что существует такой человек, как Джордж.

Любовь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.